

18+

Анастасия Волжская
Валерия Яблонцева

Паук в янтаре

Анастасия Волжская
Валерия Яблонцева
Паук в янтаре
Серия «Тайны Иллирии», книга 1

<https://litres.ru/74646394>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вчера – леди, наследница древнего рода, сегодня – заключенная без права голоса. В прошлом остались роскошные балы, просторные покои, красивые платья и усыпанные кристаллами украшения. Осужденная за применение ментальной магии, я вынуждена работать на благо Короны в тюремных застенках, почти смирившись с тем, что свобода так и останется для меня недостижимой мечтой.

Но прошлое, давно забытое, вдруг подняло голову над мутной водой каналов, всколыхнувшись, когда новый главный дознаватель нарушил размеренное течение моей новой жизни. Пойдем ли мы, кто плетет смертельную паутину в тени роскошных дворцов моего родного города? И чего будет стоить помощь человека, чьи потаенные чувства не может прочесть даже опытный менталист?

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	39
ГЛАВА 4	59
ГЛАВА 5	78
ГЛАВА 6	105
ГЛАВА 7	126
ГЛАВА 8	148
ГЛАВА	163
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Валерия Яблонцева, Анастасия Волжская Паук в янтаре

ГЛАВА 1

Что-то было не так.

Энергетическая нить в сложном магическом плетении, обычно послушно льнувшая к пальцам, вдруг потеряла прежнюю гибкость. Она сопротивлялась как живая, норовя ускользнуть, и я дернула сильнее, резче, вкладывая чуть больше силы, чем требовалось. На каплю — но этого оказалось достаточно. Кристалл в руке раскалился, обжигая ладонь, нити рассыпались, нарушая совершенный узор.

Прикусив губу изнутри, чтобы ничем не выдать досаду, я осторожно отложила испорченный кристалл в сторону и подняла голову от работы. На первый взгляд все было как обычно. Солнечный свет, непривычно яркий для начала весны, пробивался сквозь небольшое окошко, расположенное под самым потолком. Мерно тикали настенные часы. На столе, широком и удобном, если приноровиться к его громоздкой конструкции и множеству ненужных ящичков, лежало несколько заготовок для кристаллических линз и пустые

оправы очков. Законченные артефакты тускло поблескивали с полок массивного шкафа, запертого на ключ. Выжженное на дверце клеймо отдела магического контроля предупреждало, что готовые изделия являются собственностью исследовательского центра и я, как и любые другие заключенные, не имею права к ним прикасаться.

Бьерри, мой надзиратель и охранник, дремал на стуле в углу комнаты. Он работал со мной без малого три года — долгий срок, за который мы успели привыкнуть и притереться друг к другу. Прошло время, прежде чем Бьерри перестал нервно озираться и вздрагивать от каждого моего движения, и теперь старый законник позволял себе ненадолго вздремнуть, добирая часы сна, которых ему стало решительно не хватать с рождением внучки.

Я слабо улыбнулась. Маленькая Ливви, которую я знала по рассказам гордого дедушки, мне нравилась, и я честно желала ей самой лучшей судьбы без ментальной магии и тюремных решеток. Жизни с правом на ошибку.

У меня этого права не было. Странная тревожность, пришедшая вместе с неожиданной неподатливостью магии, никак не хотела уходить. Замерев, я прислушалась к тишине за дверью комнаты.

Скрипнула, а потом хлопнула дверь. Негромко — значит, звук донесся из дальнего конца коридора, ведущего в рабочую зону. Караульный, совершавший ежечасный обход исследовательского центра крепости Бьянкини, прошел совсем

недавно и вернуться еще не мог. По всему выходило, что кто-то из городских законников решил заглянуть, чтобы сделать новый заказ.

Вот только эти визиты были мне привычны и никогда не вызывали такой нервозности. Что-то было не так. Я сплела пальцы в замок, сдерживая дрожь.

Перестук каблуков и негромкие голоса подсказали, что вошедших было двое. Я узнала семенящую походку коменданта крепости, отчего-то показавшуюся более суетливой, чем обычно. Второй человек шагал размеренно и ровно, и его твердые шаги отдавались в коридоре гулким эхом.

Смутное чувство неправильности усиливалось по мере того, как комендант и его спутник подходили ближе. Шаги замерли напротив моей рабочей комнаты. Провернулся с тихим скрежетом ключ в замке.

Бьерри вскинулся, вытягиваясь по струнке:

— Господин комендант!

Я поспешно опустила глаза — комендант крепости был суеверен, и моя спина еще помнила жгучие последствия глубоко засевшего предубеждения, что менталист может проклясть даже взглядом.

— Вольно, — небрежно кивнул комендант, и я услышала, как Бьерри тихо выдохнул с облегчением: оплошность в присутствии проверяющего, пусть и столь малая, могла бы стоить ему должности.

Комендант повернулся к спутнику, мелко семеня, обошел

его кругом и замялся, переступая с ноги на ногу, словно никак не мог подобрать верные слова, чтобы начать разговор. Я украдкой наблюдала за мужчинами из-под опущенных ресниц, но смогла увидеть лишь застегнутый на все пуговицы форменный китель коменданта, опасно натянувшийся на выдающемся брюшке, брюки его собеседника с безупречно отглаженными стрелками и начищенные до блеска сапоги. Визитер, высокий и худой, особенно в сравнении с низкорослым комендантом, стоял неподвижно, будто темное каменное изваяние.

— Господин главный дознаватель, — ележно заговорил комендант, — позвольте показать вам одну из рабочих комнат нашего уникального исследовательского центра. Как вам, должно быть, известно, мы занимаемся изучением ментальной магии во всех ее мельчайших аспектах, чтобы оценить возможности ее применения для нужд Короны. Это совершенно новая, малоизученная область, которую часто считают исключительно средством для совершения преступлений, но на ее основе мы в исследовательском центре Бьянки разрабатываем особые артефакты, которые могут быть применены на практике отделами магического контроля по всей Иллирии. — Он с трудом перевел дух и, взмахнув рукой в мою сторону, словно заправский торговец, показывающий свой товар, объявил с почти отеческой гордостью: — Перед вами наше лучшее, ярчайшее достижение — заключенная номер семь, осужденная в юном возрасте как раз за исполь-

зование ментальной магии. Казалось бы, девушку ждала прямая дорога на костер, но мы здесь придерживаемся иного мнения. Зачем уничтожать тех, кто всей душой желает исправиться и заслужить возможность приносить пользу Короне? И она, наша заключенная номер семь, как раз из таких. На ее перевоспитание, обучение и подготовку были затрачены немалые деньги, но, поверьте, окупились они сполна — это практически живой определитель ментальной магии. Разумеется, мы не используем ее способности напрямую... во избежание, так сказать, но созданные ею артефакты позволяют увидеть даже самый слабый след остаточной магии на преступнике. И это, скажу я вам, потрясающе. Только за последний год благодаря артефактам, созданным в нашем центре, было раскрыто не менее трех громких дел, где преступник владел ментальной магией.

Комендант сделал театральную паузу, но визитер оказался неблагодарным слушателем — ни восхищения, ни восторженных вопросов не последовало.

— В шкафу есть отличнейшие образцы наших изделий, если желаете ознакомиться, — уже не так воодушевленно предложил комендант. — Разумеется, если вас интересует индивидуальная разработка, мы можем обсудить это в моем кабинете. Заключенной ваши распоряжения передадут.

— Не стоит, — коротко ответил тот, кого называли главным дознавателем. Мне показалось, что говорил он с едва заметным южным акцентом. — Не думаю, что в таких условиях

можно изготовить достойнейшие образцы.

— Уверяю вас, господин главный дознаватель, условия, в которых содержится заключенная, позволяют поддерживать ее работоспособность на самом высоком уровне. При максимальной загруженности срочными заказами она может создавать до пяти определителей в сутки, и уходит на это всего пятнадцать — восемнадцать часов.

В воздухе послышалось отчетливое энергетическое потрескивание. Бьерри охнул с тихим присвистом. Почти над самой моей головой пронесся сгусток магии и врезался в центр потолка, осыпав комнату дождем темных искр. На рабочий стол с негромким шлепком приземлился мертвый паук в облаке догорающей паутины.

— А это, надо полагать, элемент декора, — раздался насмешливый голос. — Уникальнейший.

— Господин главный дознаватель... — замешкался комендант. — Бьерри! Почему в рабочей зоне беспорядок?

— Так это, господин комендант, сами говорите — экономия. — Надзиратель развел руками. — Последняя уборщица уволилась два месяца назад. Говорит, даже в сиротском приюте лучше платят.

— Бьерри, — прошипел комендант, — нет нужды беспокоить господина главного дознавателя такими мелочами, как условия работы нашего младшего персонала.

— Действительно, — отозвался визитер. — Господин комендант, прямо сейчас меня гораздо больше интересуют бу-

маги, описывающие испытания ваших изделий на практике. Будьте добры.

В комнате воцарилось напряженное молчание. Я увидела, как дернулся Бьерри, но, похоже, главный дознаватель остановил его, потому что к дверям с обреченным вздохом направился сам комендант.

— Не извольте беспокоиться, милорд, бумаги будут представлены в лучшем виде, — торопливо произнес он, и пару мгновений спустя в коридоре послышались удаляющиеся шаги.

Мы остались втроем.

Главный дознаватель шагнул ко мне, Бьерри поспешил следом. Я упрямо смотрела перед собой — на испорченный артефакт, на мертвого паука и обгорелую паутину. Руки с длинными пальцами, унизанными кольцами-накопителями, легли на столешницу, вторгаясь в поле моего зрения.

Звякнули наручники — вероятно, Бьерри собирался сковать меня, чтобы не нарушать правил.

— Ян... Не считаю это необходимым, — глухо произнес главный дознаватель.

Должно быть, мне показалось. Легкая запинка, которую

допустил законник, не могла быть правдой. Не должна была существовать. Здесь, в этом мире каменных стен и железных решеток, я была безымянной заключенной номер семь, давно утратив право называться прежним именем.

Янитта.

Когда-то меня звали именно так. Но едва ли он, этот странный визитер с насмешливым голосом, полным внутреннего превосходства, и дорогими кольцами-артефактами на пальцах, мог знать об этом. Едва ли мое имя могло иметь для него значение. Если только...

Если только когда-то давно, в полузабытом прошлом, мы не были людьми одного круга. Отчего-то же комендант называл его милордом, словно подчеркнув статус, который мог разделять их. И если подумать, что-то в нем, в его магии, действительно показалось мне знакомым и незнакомым одновременно.

Я потянулась разумом, чтобы ощутить исходившую от него энергию, прикоснуться к ней, разложить на тонкие черные нити. Почувствовать неукротимую, едва поддающуюся контролю мощь — разрушительную, нестабильную и совершенно иную, чем та, послушная и покорная, что текла в моей крови.

Нет, его магия была какой угодно, только не послушной, податливой и холодной энергией артефакторов Веньятты. Темная, опасная, неудержимая, сила главного дознавателя рвалась наружу, бурлила под тонким слоем обманчивой

сдержанности. У меня не осталось ни тени сомнения — он не был уроженцем наших земель.

Энергия, слишком сильная и чистая, выдавала в нем представителя правящей семьи далекого южного Ниаретта. И я осознала с пугающей ясностью: главный дознаватель был одним из сыновей старого лорда Эркьяни. Чужаком.

Почти невольно я подняла глаза и замерла под его цепким, напряженным взглядом. Он смотрел на меня так, словно бы чего-то ждал, чего-то искал на моем лице. Может быть, следы непоправимой испорченности, может быть, признание вины.

Теперь я могла с уверенностью сказать, что он родом из Ниаретта. Высокий, худой и смуглый, с породистым лицом, темными, зачесанными назад волосами и аккуратной бородкой, обрамляющей тонкие губы, законник скорее напоминал моряка, жилистого и опасного, нежели холеных и вальяжных лордов севера. Он весь был словно натянутая струна, словно змея, изготовившаяся для броска. Или паук, терпеливо замерший в центре паутины в ожидании случайной жертвы.

Да, Паук. Новый главный дознаватель Веньятты — длинный, гибкий, затянутый в черное от носков сапог до воротничка-стойки форменного костюма — действительно походил на паука, и я спряталась за этим безопасным прозвищем. Не лорд Эркьяни — Паук.

Быстрым, почти неуловимым движением он взял испорченный кристалл со стола. Рука его проскользнула в ка-

ких-то жалких миллиметрах от моей обнаженной ладони, едва не задев, едва не коснувшись. Я замерла, не в силах заставить себя вновь опустить глаза.

— Кристаллическая решетка нарушена. — В желтовато-карих глазах главного дознавателя блеснули черные искорки магии — он прощупывал кристалл. — Третий, восьмой, девятый энергетические узлы повреждены. Небрежная работа.

Сейчас его голос лишился тех едва различимых насмешливых ноток, что слышались в ответах на восторженную речь коменданта. Напротив, Паук, как я мысленно назвала его, был совершенно серьезен, мрачен и словно бы даже зол. Отбросив кристалл, он вновь впился в меня взглядом — так, будто именно я была величайшим разочарованием его визита в Бьянкини.

Я подавила в себе желание крепче переплести пальцы — лишние движения в присутствии законников никогда не доводили ни одного осужденного менталиста ни до чего хорошего.

— Готовые артефакты лежат в шкафу, господин главный дознаватель, — торопливо произнес Бьерри. — Хорошие кристаллы на самый взыскательный вкус. Скоро вернется господин комендант и все покажет, но если вам необходимо сейчас, то и я могу...

— Меня это не интересует. — Главный дознаватель резко обернулся к непрошеному помощнику. — Выйдите.

— Я... Я не имею права, господин главный дознаватель,
— замялся надзиратель. — Не положено. Это может быть опасно.

— Поверьте, я справлюсь.

Показалось или в его голосе действительно проскользнуло торжествующее предвкушение? Внутри шевельнулся страх. Если Бьерри сейчас уйдет, кто знает, чего захочет этот странный визитер.

— Разумеется, справитесь, господин главный дознаватель. Но не положено. Это мои обязанности — следить, чтобы все в рабочей комнате было в порядке вещей. Если вас не интересуют готовые изделия и вы хотите заказать особый артефакт — пожалуйста. Только не стойте так близко к заключенной и позвольте ей надеть защитные перчатки, как того требует протокол.

Молодой дознаватель и старый законник замерли друг напротив друга. Я видела насупленные брови и сжатые в тонкую упрямую линию губы Бьерри. Надзиратель не отвернулся, продолжая смотреть перед собой почти с вызовом.

— Хорошо, — наконец коротко бросил Паук.

Взяв стул, на котором раньше сидел Бьерри, он переставил его ближе и сел напротив. Казалось бы, все соответствовало протоколу: нас разделял тяжелый и широкий стол, преодолеть который было не так просто, — но главный дознаватель смотрел на меня так, словно бы между нами не было никакой преграды. Я замерла, ожидая, что будет дальше.

— Перчатки.

Я подчинилась, торопливо натянув длинные, до локтей, плотные перчатки, отложенные на время работы в сторону. Главный дознаватель хмуро наблюдал за мной. Закончив, я выпрямилась и сложила руки перед собой, демонстрируя покорность и смирение. Образцовая заключенная.

— Что случилось со Стефано Пацци? — хрипло спросил законник.

Я вздрогнула. Уголок узких губ Паука дернулся, искажая его рот в злой гримасе.

— Он перевелся, господин главный дознаватель, — тут же ответил Бьерри. — Говорят, уехал на малую родину.

— Я спрашивал не вас, — не отрывая от меня взгляда, отрезал Паук. — Заключенная, что случилось со Стефано Пацци?

— Он перевелся, — тихо повторила я слова Бьерри.

— Почему?

Я пожала плечами. Паук всем телом подался вперед, и я с трудом подавила желание отшатнуться, вжаться в жесткую спинку стула, чтобы оказаться как можно дальше от этого человека, столь грубо и бесцеремонно вторгшегося в мое личное пространство — и физически, и морально.

— Не уходите от ответа, заключенная, — сказал главный дознаватель негромко и ровно, но с непонятным нажимом, четко выделяя каждое слово. — Правда ли, что Стефано Пацци, законник, работавший с вами на протяжении года,

был вынужден перевестись, потому что не справился со своими чувствами? Потому что обманчивые надежды, которые вы постоянно вселяли в его голову, в конце концов разрушили его жизнь?

— Господин главный дознаватель! — Бьерри, не выдержав, подошел ближе. — Того, о чем вы говорите, просто не может быть. Если бы заключенная применила ментальные способности на одного из законников, ей грозило бы строгое наказание, вплоть до казни. Поверьте, господин комендант не терпит вольностей в стенах Бьянкини.

Я ощутила прилив благодарности к старому законнику. Он проявил недюжинное мужество, упрямо настаивая на своем, не испугавшись потаенной злобы, крывшейся в голосе, позе и глазах человека, превосходившего его и по должности, и по статусу.

Паук вскинул ладонь, обрывая надзирателя.

— Терпит, не терпит — это мы еще увидим. Сейчас речь не об этом. Скажите, заключенная, способны ли вы изготовить особый артефакт, который может защитить от того, что искалечило Стефано Пацци? От этих призывных взглядов, многообещающих улыбок, милых гримасок, которыми вы вызываете желание дотронуться, прикоснуться, провести пальцами по коже, чтобы понять, правда ли вы нечто особенное, нечто исключительное, но при этом реальное и достигаемое? Нужно только руку протянуть, и... — Он скривился. — Мне требуется артефакт, подавляющий все эти лишние

чувства, которые способны вызывать вы.

«Вы». Он не сказал «менталисты», не сказал «такие, как вы», он сказал «вы», выплюнув это короткое слово с такой ненавистью, словно бы именно во мне главный дознаватель Веньятты видел основную угрозу — своему положению в отделе или, быть может, свободе от навязанной симпатии. Он вел себя так, будто бы я, зная его едва ли несколько десятков минут, уже замышляла что-то против него, продумывая в голове коварный план, как поставить его на колени.

На мгновение я увидела это очень ясно. Его, коленопреклоненного передо мной, покоренного. В потемневших желто-карих глазах полыхнуло голодное пламя, и мое тело словно окатило волной жара. Темная энергия, как жадная мужская рука, скользнула по моим лодыжкам вверх, покалывая кожу, зарождавая внутри какое-то неправильное, совершенно неуместное предвкушение.

Я нервно облизнула пересохшие губы. В голове искорками затухали отголоски чужих мыслей, побуждая торопливо искать в памяти схему блокирующего плетения.

— Да, господин главный дознаватель, я могу изготовить подобный артефакт. В течение двух дней, если позволите.

Главный дознаватель резко отвернулся, словно бы разом потерял ко мне интерес.

— Так приступайте.

И прежде чем я успела ответить, Паук поднялся со стула и быстрым шагом покинул комнату. С гулким эхом хлопнула

дверь, ведущая прочь из рабочей зоны крепости.

Мы с Бьерри обменялись озадаченными взглядами. Я украдкой выдохнула — сердце в груди отчаянно билось о ребра. Старый законник отодвинул стул на привычное место у стены и устало опустился на сиденье, утирая рукавом выступившие на лбу капли пота. Визит главного дознавателя вымотал нас обоих.

— Ох, дочка, — пробормотал Бьерри, качая головой в такт каким-то своим мыслям.

Дальняя дверь снова скрипнула, пропуская в коридор нового посетителя, и по быстрым семенящим шагам я с облегчением поняла, что это не Паук. В следующее мгновение на пороге возник комендант. Он тяжело дышал, форменный китель топорщился на животе, рубашка выбилась из брюк. К груди он прижимал три объемные папки с наспех собранными бумагами. Некоторые листы были смяты, другие едва держались в стопке.

Нахмурившись, законник обвел взглядом комнату и замер, глядя на меня так, будто за время его отсутствия я с помощью ментальной магии смогла заставить главного дознавателя раствориться в воздухе.

— Где? — только и смог выдавить комендант севшим от быстрого бега голосом.

Бьерри усмехнулся в усы.

— Господин главный дознаватель ушел пять минут назад. Вы, верно, разминувшись.

— Ушел, — раздраженно пробормотал комендант, перехватив поудобнее тяжелые папки и не переставая прожигать меня гневным взглядом.

Несколько листов все же выскользнули и разлетелись по комнате, и законник, бормоча под нос ругательства, кинулся их собирать. Чертеж определителя, подписанный «заключенная номер семь Я. А., куратор проекта С. Пацци», приземлился рядом с носком моего башмака. Я хотела было потянуться за ним, но вовремя одернула себя, не желая нервировать коменданта, и без того пребывавшего в дурном расположении духа из-за неожиданного визитера.

Рассовав непослушные листы обратно по папкам, законник подошел к шкафу и, придирчиво осмотрев полки, выбрал несколько кристаллов, вероятно, наиболее удачно сделанных на его вкус. Стараясь вновь не растерять с таким трудом сложенные бумаги, он достал артефакты и положил в карман. Не иначе как собрался задобрить новое начальство «подарками». Впрочем, я отчего-то сомневалась, что зловещий Паук хорошо относился к взяточничеству.

Комендант повернулся к Бьерри:

— А куда ушел, не сказал?

Надзиратель покачал седой головой:

— Никак нет, господин начальник.

Комендант обреченно кивнул и мужественно ринулся на поиски ускользнувшего главного дознавателя. Видимо, мысль о том, что такой опасный для занимаемой им должно-

сти гость бродит по крепости Бьянкини без присмотра, вызывала у него небезосновательные опасения.

Мы с Бьерри вновь остались вдвоем.

Изучив лежащего на столе мертвого паука, я аккуратно смахнула его в выдвинутый ящик. От темного тельца все еще исходил слабый магический след — след энергии главного дознавателя. Его можно было использовать для создания личного артефакта, настроенного исключительно на Паука.

Увлеченная мысленным выстраиванием будущего плетения, я не заметила, как Бьерри подошел ко мне.

— Ты поняла, чего он хочет, дочка? — тихо спросил он.
— Запросить новую заготовку?

Я задумалась, постукивая пальцами по стенке выдвинутого ящика. Мертвый паук черной каплей скрючился на светлом дереве.

— Да, — наконец сказала я. — Мне понадобится янтарь.

ГЛАВА 2

Камень, ярко-желтый с редкими темными прожилками, словно кусочек солнца, все еще хранил тепло моих рук. Прикрыв глаза, я крутила его в пальцах, наполняя своей энергией, выстраивая потоки и добавляя в плетение тонкие черные нити магии главного дознавателя Веньятты лорда Эркьяни. Мертвый паук лежал, зажатый между столешницей и камнем. Лишний раз прикоснуться к безжизненному мохнатуому тельцу не хотелось.

Паук и янтарь. Мерзкое, темное, неживое рядом с чистым и светлым. Мне казалось, будто я извращаю саму суть камня, наделяя нечто полное живительной энергии свойствами отвращать и отталкивать.

Но, как ни странно, небольшая застывшая капля древесной смолы охотно откликалась на мои манипуляции, позволяя заполнять артефакт нужными мыслями. Я вспоминала Паука, его цепкий взгляд, резкие движения, едкие насмешки, темные, едва прикрытые порочные желания, и волна брезгливого отвращения сама собой поднималась в душе, оплетая камень ядовитой паутиной. Главный дознаватель хотел презирать и ненавидеть меня, чтобы не впускать в душу ни капли понимания и сочувствия, — что ж, я была в состоянии вызвать у него нужные чувства.

Поглощенная работой, я едва услышала сдавленное оха-

нье Бьерри. Подвывая последние нити плетения, я моргнула, возвращаясь в реальный мир, и только сейчас заметила, что паук, из которого я черпала энергию, втянулся в прозрачную янтарную каплю. Выходит, я позволила своей ярости разгореться так ярко, что расплавил камень, и смола поглотила черное тельце, надежно запечатав его внутри.

Так даже лучше. Паук для Паука. Пусть главный дознаватель морщится, кривится и требует переделать, но только не сегодня.

Я устало откинулась на спинку стула. В теле чувствовалась слабость и опустошение — слишком много энергии потребовал от меня артефакт. Без лишних слов Бьерри откупорил и подал мне горькую укрепляющую настойку. Покопился на паука, застывшего в янтаре.

— Да, думаю, намучаемся мы с новым господином главным дознавателем, — покачал он головой, не отрывая взгляда от артефакта.

Старый законник не прочь был поговорить — наверное, весь Бьянкини сейчас гудел от слухов о новой главе Королевского магического контроля Веньятты. Я кивнула, массируя виски: ноющая головная боль не давала покоя.

— Поговаривают, дочка, — подошел ко мне Бьерри, — что господин главный дознаватель — вовсе не господин, как можно было бы подумать, а самый настоящий лорд, да еще и из таких знатных фамилий, что не то что в отделе работать не станет, а при встрече с законником и кивнуть не удосужится.

Только вот не из местных он. Южанин. Приезжий. Знаем мы их, все они там, в Ниаретте, дикие Арьяне.

— Эркьяни, — машинально поправила я.

— Да хоть так, — отмахнулся Бьерри. — Все равно чужой он, не наш. В Веньятту перевелся несколько месяцев назад, но уже, говорят, в городе шороху навел. А до того служил помощником главного дознавателя в Фиоренне. Помнишь, может, как в прошлом году в центр четверо работать устроились? Так вот это все он, наш главный, постарался. Народ тогда оттуда бежал, как крысы с корабля, — уж больно нрав у помощника оказался крут. Вот, выслужился, му... — Бьерри привычно проглотил окончание подцепленного на войне ругательства.

Старый законник сердито фыркнул в усы: видимо, грядущие изменения волновали его сильнее, чем торговца повышение пошлин на ввоз иренийского шелка. Кивком указав на перчатки, он предложил закончить на сегодня и сопроводить меня в крепость — подальше от главного дознавателя, проявившего вчера ко мне столь пристальное внимание. Не желая навлекать на ответственного за меня и мою работу Бьерри гнев коменданта, я улучила момент, когда старый законник отвернулся, и аккуратно убрала испорченный артефакт в карман, чтобы ночью незаметно разорвать плетения. Завтра я собиралась попытаться изготовить что-то соответствующе-приличное.

Коридор с высокими стрельчатыми сводами и массивны-

ми дверями рабочих комнат, где трудились заключенные, заканчивался узкой винтовой лестницей. Верхние пролеты, обычно закрытые для узников, вели к башне, где находились просторные и удобные кабинеты высшего руководства исследовательского центра. На среднем уровне располагались рабочие зоны и комнаты для испытаний, а ниже, где башня из светлого камня вращалась в холм острова, был проход к камерам. Знакомый путь, за восемь лет изученный до последней выбоины в каменных ступенях.

Мы вышли на крытую галерею, соединявшую исследовательский центр Бьянкини со зданием городской тюрьмы. Здесь, посреди двух островов, особенно остро чувствовался контраст между выстроенным несколько десятков лет назад зданием, возвышавшимся над каменистым берегом и сверкавшим желтыми отсветами факелов из каждого вытянутого окошка, и старой тюремной крепостью, мрачной, черной, почти вросшей в скалу, слившейся с ней. Вдалеке тысячами огней светился берег Веньятты, и крохотные искорки, более яркие, чем звезды, перемигивались, плясали у самого горизонта, словно бы там царил вечный карнавал, недостижимая беззаботная жизнь, не затихающая даже ночью.

Узкий мост с арочными сводами и частыми тонкими колоннами соединял нижний этаж центра со сторожевой башней тюрьмы, а внизу бушевало беспокойное северное море. От шумных свинцовых волн, разбивавшихся о подножие скал, мост едва ощутимо подрагивал, и в этой легкой виб-

рации чувствовалась скрытая мощь стихии, не укрощенной человеком и магией.

Я вздрогнула, отчего-то вспомнив Паука и темную энергию артефакторов Ниаретта.

— Пойдем, дочка, — поторопил меня Бьерри, с некоторой опаской косясь на волны и острые кромки камней, вздымающихся над ними.

Башня встретила нас темнотой и сыростью. Хмурый, немногословный охранник сухо кивнул Бьерри, меня же удостоил лишь неприязненным взглядом. Я привычно отсчитывала обороты лестницы: один, два, три... Чем глубже в недра скалы уводили ступени, тем более тяжким было преступление и более беспросветным существование узников. Камеры на верхних уровнях, с крохотными узкими окошками, через которые беспрестанно доносился грозный рокот моря, а в хорошую погоду изредка пробивался одинокий солнечный луч, предназначались для полезных заключенных. А в темные колодцы, спрятанные глубоко под землей, бросали тех, в ком отдел магического контроля не видел никакого потенциала, и там они дожидались публичной казни.

Коридор, ведущий к моей камере, пустовал. Сюда уже несколько месяцев не распределяли новых заключенных, а старых — немолодого зельевара из Ирении, попавшего в застенки за работу без лицензии, и двух братьев-артефакторов, ограбивших не тот дом, — я практически никогда не видела из-за их загруженности заданиями отдела магического кон-

троля. Ни с кем из менталистов я ни разу не сталкивалась, хотя доподлинно знала: таковые помимо меня в центре были.

— Я так думаю, — Бьерри взял из настенного крепления чадающий факел, — нужно тебе быть потише и на глаза начальству попадаться пореже. Сама посуди, дочка, что он мог здесь забыть? Скорее всего, конечно, ищет громкое дело в надежде выслужиться и перебраться в столицу. Но, с другой стороны, ты у нас девушка красивая, видная. Мало ли что этому, — Бьерри кашлянул, — взбредет.

Надзиратель отпер замок и посторонился, пропуская меня внутрь.

— Если слухи не врут и господин главный дознаватель из благородных, — словно убеждая самого себя, сказал он, — то в наших краях он не задержится. Благородных в коридорах магического контроля отродясь не водилось.

Я неопределенно хмыкнула. В чем-то Бьерри был прав: все мы, осужденные мертвецы, в глазах Короны были равны — бесправные, безмолвные, лишённые титулов и даже имен, всего лишь крошечные шестеренки в неумолимой машине правосудия.

В эту ночь, несмотря на усталость, я долго не могла

уснуть. Беспokoйно ворочалась на узкой кровати, никак не находя правильного положения, и все: неровность тонкого матраса, стылая затхлость грубого постельного белья, лунный свет, проникавший через зарешеченное оконце под толком, шорохи мелких грызунов, сновавших меж пустых коридоров, бормотание охранников в камерке у лестницы — абсолютно все мешало, не давая забыться.

Я чувствовала себя зверем в клетке — в тесной, неудобной клетке, которая никогда больше не откроется, — и это повергало в отчаяние. Я задыхалась, мне не хватало воздуха, каменные стены давили, подстегивая так не вовремя нахлынувшую панику. Магия, всегда чутко реагировавшая на мое состояние, беспokoйно плескалась внутри, то затихая, то захлестывая почти с головой опасными, практически самоубийственными мыслями. «Крепления прутьев слабые, выбить решетку так легко... обойти защитные амулеты... охранник — что он сможет против такой силы... а потом бесшумной тенью скользнуть по мосту...»

Упрямо стиснув зубы, я постаралась выровнять дыхание и расслабиться, свернувшись в клубок под одеялом. Я давно уже не мечтала о побеге с такой страстью.

Нет. Нельзя. Нет.

Перед внутренним взором стояло породистое лицо Паука, а в ушах звенели негромкие слова с южным акцентом. Я гнала от себя навязчивый образ, но он упорно продолжал возвращаться, не давая ни минуты покоя.

Во всем, что происходило сейчас, я винила главного дознавателя. Одним своим присутствием он разбередил старую рану, разворошил могилу, в которой я похоронила свое прошлое, закопав, казалось, так глубоко, что никто и никогда не смог бы до него добраться. Послушная и покорная заключенная номер семь могла выжить в стенах Бьянкини. Гордая леди Янитта Астерио — нет.

Леди. Можно подумать, законников волновало мое происхождение. Старшая дочь лорда Веньятты, наследница рода Астерио. В прошлом остались просторные покои и дорогие тонкие простыни, красивые платья и усыпанные кристаллами украшения. Здесь, в стенах Бьянкини, единственное, чего могла ожидать леди, — лишние унижения за один только этот титул. Того, что все как коршуны ринутся показывать, где же ее истинное место, какую чудовищную ошибку совершила природа, наделив преступницу и менталистку сильным артефакторским даром, веками бережно сохраняемым и преумножаемым тщательно продуманными браками.

Между мной и законниками Бьянкини всегда была пропасть, которую никому из них не дано было пересечь. И здесь, в тюремных застенках, она лишь увеличилась. Здесь власть была в их руках, и мало кто отказывал себе в удовольствии доказать той, которую всегда приходилось считать лучше себя, что теперь она даже хуже, чем простая работница из бастардов, знающая в своей жизни лишь бесконечное изготовление накопителей.

Леди... Я спрятала, скрыла леди Янитту Астерио так глубоко, как только могла, поклявшись никогда не возвращаться к ней, даже в мыслях, даже в мечтах и надеждах. А вот теперь...

Паук вторгся в размеренные будни крепости Бьянкини, принес с собой все то полузабытое, скрытое и опасное, что могло пошатнуть и без того неустойчивый фундамент моей новой жизни, с таким трудом выстроенной на обломках прошлого. Или и вовсе разрушить, взорвать, рассыпать прахом для удовлетворения собственных болезненных амбиций.

Эркьяни... Дикие южане, в чьей крови бурлила темная сила, способная осушать реки, подчинять вулканы и разрушать города. Когда-то враги Иллирии, они всегда держались особняком, не желая играть по установленным в королевстве правилам. Чужаки, бунтари, не привыкшие подчиняться, мятежники, не смирившиеся, непокоренные.

Паук мог бы меня ненавидеть. Всех нас. За то, что первые семьи Иллирии, негласные правители городов и земель: Меньяри из Ромилии, Себастьяни из Аллегранцы, Астерио из Веньятты и Сантанильо из Фиоренны — всегда чуть свысока смотрели на дикий Ниаретт. Но отчего-то Паук был здесь, так далеко от родных земель, затянутый в черную форму отдела магического контроля, скрывший свою необузданную черную мощь под тонкой коркой северной сдержанности. Я не знала, что ему было нужно, и это пугало.

Я не знала его...

Прошлое пришло вместе с беспокойным сном, ворвалось в сознание приглушенными шепотками, светом, блеском дорогих украшений и пузырьками шампанского. Я снова оказалась на пороге янтарного бального зала, огненно-рыжие своды которого уходили бесконечно вверх, растворяясь в мутной дымке. Подол белого платья, расшитого золотыми нитями и сияющими энергетическими кристаллами — символ величия и богатства рода Астерио, — колыхался в такт моим шагам. Люди в дорогих костюмах и масках, будто живое человеческое море из перьев, кружева, шелка и камней, покачивались передо мной в такт неслышной музыке, бесконечно далекие, отстраненные, безразличные. От ярких бликов слезились глаза. Я всматривалась в толпу, отчаянно пытаюсь найти кого-то важного, но тщетно. Маски надежно скрывали лица, а широкие спины, затянутые в дорогие камзолы, и обнаженные плечи, открытые модными платьями, мелькали, сливаясь в одно мутное пятно, вызывая подкатывающий к горлу приступ дурноты.

Призрачный неясный образ того, кого я так жаждала отыскать, стоял перед моим внутренним взором. Темные, слегка выющиеся волосы. Черный камзол с едва различимым рисунком по дорогой ткани, серебряная оторочка. Почему-то для меня было очень важно посмотреть в лицо именно этому человеку, так важно, будто от этого зависела моя жизнь. На мгновение показалось, что я увидела его совсем рядом с собой, и нужно было только потянуться, но отче-

го-то я никак не могла сдвинуться с места, подойти ближе. Стоило лишь попытаться сделать шаг, как толпа вокруг сомкнулась плотнее, отсекая меня от знакомого незнакомца в черном. Оставляя одну.

Кто-то хлопнул в ладоши, на верхней галерее невысокий человечек взмахнул руками, как диковинная черная птица, и заиграла музыка. Она звучала все громче и громче, тревожнее и тревожнее, и все быстрее и быстрее крутились в танце люди. Незнакомец затерялся в толпе. Я отчаянно пыталась отыскать его вновь, но взгляд почти против воли выхватывал из людской круговерти лишние, незначимые детали: бледное предплечье с тонким кружевом перчатки, взмах алого веера, отблеск серебристых кристаллов в серьгах, пристальный взгляд желтовато-карих глаз из-под плотной маски.

Чья-то рука легла на мое обнаженное плечо.

Я вздрогнула.

Сон оборвался резко, как будто меня кто-то встряхнул.

Распахнув глаза, я растерянно уставилась в потолок. Непроглядная ночная чернота не позволяла различить ничего, кроме нечетких контуров и синего квадрата окна. В ушах эхом звенел громкий протяжный крик, застывший на одной

ноте:

— Н-не-э-э-эт!

Я приподнялась в кровати, напряженно вслушиваясь в тишину тюремного коридора. Мерно разбивались о пол тяжелые капли, сочившиеся с потолка, из камеры слева доносился храп иренийца. Где бы ни находился сейчас тот человек, чей голос разбудил меня, в реальности он не издавал ни звука. Жуткий крик существовал лишь в моей голове.

В центр доставили нового менталиста.

Узкий вентиляционный колодец, отгороженный от камеры частой решеткой, манил, притягивая взгляд. Встав с кровати, я подошла к самому краю, и мысленный голос стал громче. Там, на самом нижнем этаже тюрьмы, куда помещали лишь тех заключенных, кому оставались считанные часы перед казнью на главной площади Бьянкини, находился незнакомый мужчина.

«Нет-нет-нет-пожалуйста-не-надо-пожалуйста-нет», — повторял и повторял он, и в его отчаянном крике мне слышался плеск воды в каналах, эхо шагов, отраженное от узких мостовых, хриплое сбивчивое дыхание, облачком пара зависшее в морозном ночном воздухе. И еще что-то, пока едва уловимое, что заставило меня опуститься на самый пол, сжав пальцами холодную решетку, и вслушаться в тишину колодца.

Что-то было не так. Не так, как бывало с другими менталистами, которых мне доводилось считывать. Я встречала

немало настоящих убийц и истинных сумасшедших, но этот человек был не из их числа. И, повинувшись отчаянному желанию узнать, я потянулась разумом, мягко подхватила нить его воспоминаний, распутывая ее, погружаясь внутрь.

Плеск воды стал громче и ближе. В окружавшей меня темноте проступили очертания извилистой улицы, идущей вблизи канала. Вдоль узкой набережной черными полумесяцами покачивались лодки. Окна домов плотно закрывали ставни, и нигде не было видно ни души.

Только незнакомая девушка в красивом дорогом платье спешила куда-то, и перестук ее каблучков был явственно слышен в тишине улицы. Он, человек, чьими глазами я смотрела сейчас на прибрежные кварталы Веньятты, не знал ее имени. Но точно знал одно: он должен был ее убить.

Ее, незнакомую аристократку, по недоразумению оказавшуюся в одиночестве, без сопровождения, без защиты, в столь поздний час. Именно ее, эту хрупкую испуганную девушку, опасливо жмущуюся к тонкой полоске лунного света, освещавшего мостовую почти у самой кромки воды. Он никогда раньше не встречал ее, но эта странная, выжигающая внутренности уверенность клокотала внутри, толкая идти следом, не упускать из виду, чтобы в нужный момент выскочить из темноты и...

«Нет-нет-нет-пожалуйста-не-надо-пожалуйста-нет...»

Часть его души заходила в отчаянном безумном крике. Он не понимал, что привело его сюда, к маленькой приста-

ни, что связало с этой незнакомкой. Но нечто более сильное, нечто инородное, угнездившееся внутри, сломило его волю, словно тонкую щепку, подчинив себе. Он не мог поступить иначе.

Пять шагов, три. Его рука коснулась маленькой ладошки, и девушка испуганно вскрикнула, но в следующее мгновение умолкла. В ее огромных, вмиг остекленевших глазах отражалась худая фигура мужчины в одежде портового служащего. Девушка замерла в ожидании.

Я ощутила, как от него к ней заструилась энергия ментального приказа. Магия мужчины, горячая, жгучая, отдавала тонкой ноткой циндрийских пряностей и гнилостным привкусом смерти.

Вряд ли он сам когда-либо задумывался о тех странных способностях, которыми наградила его природа. Может, просто считал себя везучим парнем, особенно успешным у портовых девиц. Но сейчас удача отвернулась от него. Для сильного менталиста нет ничего проще, чем подчинить себе слабого. Подчинить — и скрыть тонкую нить своего приказа, всю, до последней серебристой искорки, в потоке неконтролируемой силы.

«Остановись. Развернись. Посмотри».

Леди прикрыла глаза и призывно улыбнулась. Ее рука потянулась к завязкам плаща и дернула атласные ленты. Ткань мягко скользнула к ногам, а тонкие пальцы уже спускались вниз вдоль шнуровки корсета.

На последних петлях она замешкалась, и менталист вынул из-за пояса нож. Рукоять из матово-белой кости, инкрустированная драгоценными камнями, смотрелась в натруженных руках рабочего до смешного нелепо и чужеродно. Он и сам понимал это. На краю сознания, где еще оставались последние крохи самоконтроля, билась настойчивая мысль, что это был не его клинок, и он совершенно не помнил, где и как получил его. И совершенно точно надо было отбросить оружие в сторону и сделать что-нибудь с ластившейся к нему девчонкой, пока та не натворила глупостей, которые невозможно будет исправить.

Нож взмыл в воздух, на лезвии тускло блеснул отсвет дальнего фонаря.

Спину меж лопаток обжег чей-то жадный голодный взгляд.

Он взвесил клинок на ладони, криво усмехнулся и распустил шнуровку. А после всадил лезвие в бледный, чуть выпуклый живот девушки.

«Помогите, помогите...»

Она охнула, словно бы и не поняв, что случилось, и обмякла в его руках. Он бережно уложил умирающую девушку на брусчатку у самой кромки воды. Кровь расплывалась по мостовой и тоненькими ручейками стекала в темную воду с белыми бликами полной луны.

Холодные отсветы плясали по потолку камеры, и в полутьме казалось, будто я все еще смотрела в черную гладь за-

лива. Мысленный крик не затихал, человек выл, скулил, сто-
нал на одной ноте, бился, словно в агонии. Энергия бесно-
валась в нем, как зимний шторм, и я склонилась вниз, пыта-
ясь вновь достучаться до него и хоть как-то успокоить, что-
бы продолжить работу. Мне нужно было понять, что произо-
шло. Кто — а главное, для чего — приказал этому мужчине
совершить убийство?

Я точно знала — это очень, очень важно.

Прикоснувшись ладонью к стене, я мысленно потянулась
к незнакомому менталисту.

Тщетно.

— Эй, — тихо позвала я. — Эй, ты здесь?

Тишина.

«Это-не-я-я-не-виноват-почему-я-это-сделал-что-
произошло-почему-наверное-меня-толкнули».

Толкнули. Странное слово царапнуло слух. Я попыталась
снова нащупать нить его воспоминания, поймать момент, ко-
гда было совершено воздействие, но без физического кон-
такта и мысленной связи мне удалось уловить немногим
больше, чем стандартным артефактам-определителям. Я ви-
дела ментальный след, чувствовала его, но настоящая нить
серебряной пылью истаяла в пальцах.

А значит...

Подскочив на ноги, я бросилась к двери и что есть силы,
не жалея рук, заколотила в металлический остов замка. Храп
зельевара оборвался, я услышала, как он завозился на крова-

ти, разбуженный странным шумом. Некоторое время спустя в глубине коридора зажегся свет. Послышались шаги охранников, спешивших в сторону моей камеры.

Они остановились, как того требовал регламент, в двух шагах от решетки и окинули меня недовольными заспанными взглядами. В их позах читалось недоумение и раздражение: заключенная номер семь считалась тихой, не доставлявшей лишних хлопот, и это никак не увязывалось в их головах с неожиданной ночной побудкой.

— Что, пожар? — глумливо спросил старший охранник, глядя на меня с нескрываемым презрением. — Или крыску увидела?

— Прошу вас, позовите Бьерри! Это срочно!

Один из охранников, тот, что помоложе, открыл было рот, но старший остановил его резким движением руки.

— Не положено. Буду я из-за всяких тут... господ среди ночи будить.

— Позовите Бьерри!

Охранник снял с пояса оружие и грубо ткнул рукоятью в решетку рядом с моими пальцами. Я инстинктивно отпрянула.

— Руки свои убрала! Ишь тянется, отродье! Только и хочет, что честного человека с пути сбить! Заткнись и спи, — рявкнул он и, подтолкнув замешкавшегося напарника, вернулся в свою камеру.

До самого утра я не сомкнула глаз. Так и сидела, прива-

лившись спиной к стене рядом с колодцем, и до звона в ушах вслушивалась в сиплое дыхание менталиста, отчаянно надеясь уловить еще что-нибудь.

Мне нужно было коснуться его. Сейчас я была практически уверена, что он невиновен, но, лишь дотронувшись до его кожи, проникнув в его сознание, я смогла бы определить, кто же отдал тот самый ментальный приказ, толкнувший этого человека на убийство.

Но мне оставалось лишь беспомощно считать оставшиеся до рассвета минуты и поддерживать ослабевающий ментальный контакт, пропуская через себя бессвязные обрывки воспоминаний, несмотря на усиливающуюся головную боль. Менталист тихо стонал, выл на одной ноте, а вокруг плескались темные кровавые волны, и лезвие, ослепительно яркое в лунном свете, отражалось в подернутых томной поволокой глазах незнакомой леди. Раз за разом, снова и снова, словно сломанная музыкальная шкатулка, чью медную ручку больше невозможно было провернуть вперед. Мужчина и сам казался мне сломанным, и это подстегивало желание как можно скорее рассказать Бьерри о том, что я узнала.

В те редкие мгновения, когда сознание менталиста покидало сцену убийства, а мне удавалось ненадолго ослабить туго натянутые струны ментального контакта, мужчина грезил о море.

О безмятежно синем море с белой пеной на гребнях ласковых волн.

ГЛАВА 3

Предрассветное небо забрезжило серым. К тому моменту крик заключенного менталиста уже превратился в тихий невнятный шепот. Он затихал, погружаясь в безумие и беспомысленность, и с каждой минутой шансы отыскать настоящего преступника становились все призрачнее.

К счастью, Бьерри появился рано утром. Я узнала четкий, размеренный шаг старого законника. Он не спешил: разумеется, охранники из ночной смены не посчитали нужным хотя бы сейчас сообщить ему о моей ночной просьбе. Никого в стенах тюрьмы не волновала судьба гибнущего в колоде карцера человека.

— Бьерри, — я бросилась к нему навстречу, — мне срочно нужно увидеть господина главного дознавателя. Только он может остановить казнь невиновного. Это очень важно.

Надзиратель нахмурился. Не давая ему времени возражать, я вкратце пересказала то, что прочитала в разуме осужденного менталиста. С каждым моим словом взгляд Бьерри становился все мрачнее и мрачнее.

— То, о чем ты говоришь, — тяжело произнес Бьерри, когда я, закончив, прижалась лбом к холодной решетке, чтобы унять ноющую головную боль, — случилось восемь часов назад. У северных доков. Законники застали убийцу на месте преступления почти сразу. Он не сопротивлялся аресту,

не отрицал своей вины. Судебное разбирательство было коротким. В Бьянкини уже вовсю готовятся к казни. И... подумай о себе, дочка, не вмешивайся в это дело.

Я упрямо покачала головой:

— Не могу я так, Бьерри, не могу. Просто... — Я осеклась, не зная, как объяснить, насколько же важно было для меня не допустить этой казни.

Старый законник понял меня без слов, но лишь укоризненно покачал головой.

— Будь ты моей дочкой, обругал бы да в комнате запер, пока не поумнеешь. Но... — вздохнул он. — С тобой такое не пройдет, а жаль. Ну, раз о себе не думаешь, вспомни, чего бедняге Стефано стоил прошлый такой «невиновный».

Я помнила, может быть, даже слишком хорошо. Тогда определители тоже однозначно считали четкий ментальный след на преступнике и жертве, но краткого ментального контакта хватило, чтобы почувствовать, что обвиненный менталист находился под влиянием кого-то третьего.

Стефано поверил мне. Притащил ослабевшего от долгого сидения в карцере мужчину чуть ли не на себе, тщательно записал все мои показания и заверил их собственной печатью. А потом, обернувшись на пороге, пообещал, что уж это дело он точно из рук не выпустит, пока не добьется оправдательного приговора. И глаза его горели неподдельным охотничьим азартом, смешанным с восторгом от первого сложного самостоятельного дела.

Это был последний раз, когда я видела Стефано Пацци в стенах Бьянкини. Много позже Бьерри рассказал мне, что он перевелся — по крайней мере, именно так ответил ему комендант, когда старый законник окончательно замучил его вопросами. Бьерри передал это мне, но в его голосе отчетливо слышалась неуверенность. Мне подумалось, что он уже успел справиться у своих коллег из других городов, стоявших на землях Веньятты, а может быть, даже успел послать пару запросов в Ромилию или Аллегранцу, но все оказалось без толку. Стефано Пацци бесследно пропал.

Осужденного казнили неделю спустя.

Бьерри неловко вздохнул, глядя, как я до побелевших костяшек пальцев стиснула решетку. Сейчас он, казалось, искренне сожалел о том, что вслед за Пауком вновь поднял эту тему.

— Хорошо. Я сообщу коменданту, — сдался он.

— Много ли он сможет сделать, Бьерри?

Законник поджал губы. Подобное мнение в Бьянкини разделяли почти все.

— Пожалуйста, приведи господина главного дознавателя,
— повторила я с легким нажимом.

— На твоем месте я бы не надеялся так на его помощь, — буркнул Бьерри. — Благородный лорд ради простолюдина руки марать не станет.

— Пожалуйста, прошу. Пока в городе безнаказанно совершает убийства сильный менталист, все жители Веньятты

в опасности. Все.

Бьерри замялся. Я смотрела на него, пока он, сердито мотнув головой, не отвернулся.

— Ладно, дочка, попробую. Но не ручаюсь, что из этого выйдет что-то путное. Все-таки господин главный дознаватель — это не Стефано Пацци.

Да. Именно поэтому я считала, что у него были все шансы довести дело до конца.

Я ожидала, что Паук появится в Бьянкини не раньше середины дня, и рассчитывала встретиться с ним уже в рабочих комнатах, но не прошло и часа, как главный дознаватель объявился прямо в тюрьме. Это было странно: неужели он оказался где-то на полпути к центру, когда по распоряжению Бьерри ему передали мою просьбу?

Быстрые шаги законника эхом отдавались от каменных стен коридора.

— Артефакт готов? — отрывисто спросил он, как только приблизился к моей камере.

Я замялась. В руке Паука блеснул ключ. Отперев решетку, он, не слушая возражений застывшей неподалеку охраны, вошел внутрь и размашистым шагом направился ко мне.

Я замерла, сидя на краешке кровати.

Он навис надо мной, прожигая макушку мрачным взглядом. Его длинные пальцы — единственное, что попадало в поле зрения, — напряженно сжимались и разжимались.

— Вы бледная.

Мне показалось, я ослышалась.

— Что?

Я ощутила прикосновение его энергии к своей — легкое, осторожное. Странно, но черная разрушительная магия Нияретта, этот темный вихрь, едва поддающийся контролю, казалось, притих, едва коснувшись меня.

— Вы утомлены, — заключил Паук. — Вам требуется отдых от работы. Я распоряжусь.

Не дожидаясь ответа, Паук развернулся и уверенно пошел к шкафу. Настежь распахнул дверцу, поморщившись от скрежещущего звука петель, пробежался взглядом по ряду одинаковых серых и черных платьев, по ровным стопочкам белья и чулок. Наклонился, на мгновение скрывшись за створками шкафа, но тут же отшатнулся, словно обжегшись, и вновь коршуном закружил по камере. Я растерянно наблюдала за этим, ожидая, когда Паук наконец соизволит вновь обратить на меня внимание. В душе медленно закипала ярость, и я нервно комкала подол платья.

Словно не замечая моего присутствия, главный дознаватель скользнул пальцами по стене, прикоснулся к решетке на узком высоком окошке. Подхватил лежавшие на столе кни-

ги, открыл наугад и перелистал страницы, не вчитываясь в текст, а после отбросил почти презрительно. Затем выдвинул ящик.

Я застыла.

Длинные пальцы Паука выхватили артефакт прежде, чем я успела сказать хоть слово.

Главный дознаватель придирчиво оглядел янтарный медальон с вплавленным внутрь пауком, поднес его к глазам, погладил теплый камень — разве что на зуб не попробовал. Я ощутила всплеск темной энергии: главный дознаватель проверял магические потоки. Закончив осмотр, он неопределенно хмыкнул.

— Прошу вас, верните. Он еще не готов. Нужно немного времени, — попросила я, потянувшись за артефактом. — И...

Уловив мое движение, Паук быстро сунул руку с медальоном в карман.

— И что? — обманчиво тихо переспросил он. — И дать вам возможность сделать его идеальным? Выхолощенным, бездушным, прячущим внутреннюю пустоту за совершенством внешней оболочки? Нет, благодарю. — Он посмотрел на меня в упор. — Я предпочту взять настоящую... вещь.

Паук отступил. Я опустила глаза, избегая встречаться с ним взглядом.

Я кожей чувствовала — передо мной был человек, раздираемый внутренними противоречиями, нестабильный, опас-

ный, едва контролирующий своих демонов. Инстинкт самосохранения требовал бежать, спастись, пока не стало слишком поздно.

Но Паук был мне нужен. Был нужен Веньятте.

— Остановите казнь, — выпалила я.

— Что? — Сумеречный взгляд желто-карих глаз метнулся к моему лицу.

Глубоко вдохнув, как перед прыжком с обрыва в море, я заговорила, осторожно подбирая слова:

— Господин главный дознаватель, сегодня ночью в камеру на нижнем уровне поместили человека. Менталиста.

— Обвиняемый Спиро Дьячелли, грузчик. Семь лет проработал в северном порту Веньятты. Осужден за использование ментальной магии на леди Элии, дочери лорда Манорро, — безразлично бросил Паук. — В результате совершенного преступного деяния леди Элия скончалась. Все собранные улики однозначно указывают, что вина Дьячелли неоспорима.

— Это не так.

— Отчего же? — Он всем телом подался ко мне.

Я невольно вздрогнула.

— Его вынудили.

— Вынудили? — Уголки губ Паука приподнялись в саркастической усмешке. — Неужели вы сейчас скажете, что ментальная магия пробуждает в человеке непреодолимую тягу к злу? Поднимает порочное желание, которое можно

утолить, только совершив жестокое преступление? Скажете, проникновенно глядя мне в глаза, что это просто природа, инстинкт? Менталисты рождены такими, и это не их вина?

Я растерянно моргнула. Сказанное звучало откровенным бредом, больше подходящим суеверному коменданту Бьянкини.

«Рожденный менталистом обречен стать убийцей».

— Тело леди Элии и сам Дьячелли фонят остаточной магией. Его ментальной магией. Или, хотите сказать, ваши сверхточные определители, которые столь цветасто расписывал комендант, вовсе не так точны?

— Они точны, — покачала головой я. — Но...

— Тогда, полагаю, нам не о чем говорить, — не дав мне закончить, произнес Паук.

Отвернувшись от меня, он двинулся в сторону выхода. Охранники бросились к двери, готовые отпереть ее перед главным дознавателем, едва тот приблизится к решетке.

— Лорд Эркьяни!

Паук ощутимо напрягся. Замер, выпрямив спину неестественно ровно, сжал руки в кулаки.

— Лорд Эркьяни, пожалуйста, послушайте. Я знаю, что произошло. Я видела, что произошло, видела случившееся глазами Спиро Дьячелли. И я точно знаю — он не хотел убивать дочь лорда Манорро. Его заставили. Прошу вас, остановите казнь, пока не стало слишком поздно. Поверьте, я знаю ментальную магию, и это...

— Разумеется, вы знаете ментальную магию, заключенная, — резко оборвал меня Паук. — Вы за это и осуждены.

Он не обернулся, но и к двери не сделал ни шага. Воспользовавшись этим, я торопливо продолжила:

— Мотив, лорд Эркьяни. У этого преступления нет мотива. Зачем портовому грузчику убивать дочь лорда? Зачем дочери лорда, богатого винодела и уважаемого члена городского совета, идти ночью в порт? Это бессмысленно и, поверьте мне, бессмысленные поступки — один из первых индикаторов ментального воздействия. Предыдущего ментального воздействия, след которого затерялся, скрытый магией самого Спиро Дьячелли.

— У вас устаревшие данные, — сказал Паук. — Лорд Манорро уже несколько лет не входит в городской совет, а его виноградники безнадежно пострадали от землетрясения, произошедшего пять лет назад. Вы переоцениваете значимость положения леди Элии.

— И все же не настолько же она низко пала, чтобы...

— Искать в порту легкий заработок? — цинично фыркнул главный дознаватель, медленно разворачиваясь ко мне. — Вам ли судить о падении, заключенная?

— Лорд Эркьяни...

— Господин дознаватель, как я понимаю, будет более уместным обращением в нашей с вами ситуации, — едко бросил он. — И, пожалуй, удивительно, как вы сегодня многословны, заключенная. А вчера даже головы не подняли.

— Это важно, господин главный дознаватель. Прошу вас, остановите казнь Спиро.

Паук смерил меня подозрительным взглядом.

— Спиро? Так вы, оказывается, знакомы? За приятеля просите?

— Спиро Дьячелли невиновен, — в который раз повторила я. Вопросы главного дознавателя, странные и неуместные, сбивали с толку. — Пожалуйста, остановите казнь. Если вы позволите мне прикоснуться к обвиняемому, я сумею доказать его невиновность. Я считаю ментальный след, оставшийся от предыдущего воздействия, и это подтвердит, что Спиро Дьячелли вынудили совершить убийство.

— Прикоснуться? — Лицо дознавателя исказилось.

Он сделал шаг ко мне, но вдруг отшатнулся, словно от заразной больной, сунул руку в карман и выскочил из камеры с такой поспешностью, что охранники едва успели распахнуть запертую дверь. Мне подумалось, что, окажись они чуть менее расторопными, Паук попросту вынес бы решетку — настолько неприятно было ему находиться рядом со мной. Казалось, одно только осознание близости к человеку, владеющему ментальной магией, да еще и готовому применить свои способности на практике, вызывало у него тошноту.

Я стиснула зубы, привычно подавляя всколыхнувшееся внутри раздражение. От мысли, что главный дознаватель, подобно коменданту, верил в сплетни о безумных способностях менталистов, рот наполнился горькой желчью разоча-

рования.

Уже в коридоре он на мгновение обернулся, обжигая меня острым пронзительным взглядом.

— Я сообщу коменданту, что мой заказ выполнен. — Паук многозначительно похлопал по карману, где лежал артефакт, который я столь неосмотрительно забрала из рабочей комнаты в надежде распустить плетения, а позже сделать что-то подходящее и правильное, достойное главного дознавателя. «Выхолащенное, бездушное, прячущее внутреннюю пустоту за совершенством внешней оболочки», как едко выразился сам Паук. Отчего-то его слова поднимали в душе волну злости. — Где и как я получил артефакт, останется нашим секретом.

Далекий бой часов — восемь мерных ударов — прогремел с площадей раскинувшегося на соседнем с исследовательским центром острове городка Бьянкини, а Бьерри, который обычно сопровождал меня до рабочих комнат, так и не появился вновь. В бездействии время тянулось медленно, плавно подходя к девяти. Дважды хлопнули двери в коридоре: привели одного из братьев-артефакторов, увели иренийца.

Ожидание давило сильнее каменных стен. Несмотря на безумную усталость — сказывалось количество энергии, ушедшей на создание артефакта, а после длительная ментальная связь и бессонная ночь, — я предпочла бы сейчас привычно работать с определителями в относительно светлой и удобной рабочей комнате, а не сидеть без дела, погребенная в сырых тюремных застенках. Но, похоже, Паук выполнил угрозу и все-таки запретил сегодня пускать меня в исследовательский центр.

Комендант явился через несколько минут после того, как часы пробили девять. Судя по шагам, его сопровождали двое охранников, скорее всего, из утренней смены. Я точно знала, что за этим последует, а потому ждала их, стоя посреди камеры и всем своим видом демонстрируя смирение и покорность: руки в перчатках поверх юбки, глаза в пол.

В душе колыхалось глухое раздражение и злость на Паука с его неуместными инициативами.

— Значит, господин главный дознаватель спускался в тюрьму для личной беседы с заключенной, а после приказал оставить ее в камере? — слышался в коридоре сердитый голос.

— Все верно, господин комендант, — пробасил охранник.

— Других распоряжений не поступало? Он не пояснил, за что наказана заключенная?

— Нет, господин комендант.

Законник вздохнул.

— Что ж, в таком случае до выяснения обстоятельств поместим ее в карцер. Приступайте.

Лязгнул замок. Охранники подошли ко мне, и без единого слова я вытянула вперед руки, позволяя заковать себя в тяжелые наручники. Комендант недоверчиво подергал цепочку, убеждаясь в надежности крепления.

— Отведите ее вниз.

Привычная винтовая лестница, насквозь пронзавшая крепость, вела все ниже и ниже. Я шла быстро, с трудом приноравливаясь к широкому шагу охранников. Никто не касался меня, не подгонял грубыми тычками в спину, но провоцировать их не хотелось.

Под ногами хлюпнуло. Холодная весенняя земля была пропитана затхлой влагой.

— Направо, — буркнул охранник за спиной.

Я повернулась и чуть прикрыла глаза, стараясь отыскать ночного менталиста, но не смогла ощутить его след. Нить нашей связи окончательно истаяла еще утром, после ухода Паука. Хотелось верить, что заключенный потерял сознание или Паук прислушался к моим словам и увел его наверх для нового допроса, но в глубине души я понимала, что это не так. На всякий случай я безуспешно вглядывалась в редкие темные провалы одиночных колодцев, пытаюсь различить хоть что-нибудь.

Охранник остановился возле одной из камер и отпер ключом массивный засов. Дверь, неповоротливая и ржавая от

сырости, протестующе скрипнула. Громкий противный звук резанул по ушам, и я поморщилась от пронзившей виски головной боли.

— Шевелись. — Охранник кивком показал в сторону карцера.

Пригнув голову, я пролезла внутрь. Дверь с грохотом захлопнулась.

Свет от далекого факела, закрепленного на стене у лестницы, не достигал крохотных узких камер, где царила непроглядная мгла. В карцере не было ничего лишнего, только узкий деревянный настил на каменном возвышении, используемый в качестве койки, и небольшая дыра в полу, заменявшая заключенным отхожее место. В окружавшей темноте я не видела ее, но при необходимости без труда отыскивала бы по едкому запаху нечистот. Забившись в противоположный угол как можно дальше от удушающей вони, я опустилась на жесткий настил и обхватила колени руками.

Видение, считанное у заключенного, не давало мне покоя. Я без труда воскресила его в памяти: неосвещенная улица, темная рябь воды, кромка причала. Богатая девочка, волей случая оказавшаяся совершенно одна в опасном портовом районе в поздний час. У подобной истории было мало шансов закончиться хорошо.

Хотелось выбросить все из головы, сжаться в комок, отрешиться от окружающего мира и наконец забыться сном. Но что-то мешало, не давало отступить в сторону. Я понимала,

что не сумею спокойно жить дальше, пока не удостоверюсь, что сделала все что могла.

Все возможное.

Я вскинула руки, будто дирижируя невидимым оркестром. В воздухе неяркими звездочками вспыхнули крохотные серебристые огоньки. Отдавшись воспоминаниям, я позволила пальцам скользить меж светящихся точек, натягивая тончайшие энергетические нити, выплетая в реальности замысловатый узор картины, стоявшей перед моим внутренним взором. Заискрилась освещенная лунным светом полоска набережной, серыми громадами выросли каменные дома с высокими, наглухо закрытыми окнами и балконами. И невысокая фигурка девушки, изображенная в подробностях, вплоть до последнего завитка кружев на лифе платья, затопилась к далеким фонарям центральных улиц, отбрасывая на мостовую длинную косую тень.

Шаг, другой. Менталист Спиро Дьячелли нагонял жертву — и изображение приблизилось, стало четче. Я увидела руку, коснувшуюся плеча девушки, и леди Элия Манорро испуганно обернулась. Послушная моей воле, картинка застыла, давая возможность разглядеть призрачное лицо.

Я точно не встречала эту девушку раньше: восемь лет назад она была еще малышкой, которой рано выходить в свет. Но родовой артефакт семейства Манорро — изящную брошь с крупным кристаллом — я узнала без труда. Замершая Элия, юная наследница некогда уважаемого в Венъятте

семейства, с ужасом глядела в глаза своего будущего убийцы.

Мгновение, и к потерям семьи Манорро — а это виноградники, место в совете, уважение, богатство — прибавится еще и смерть наследницы. Мысленный приказ вновь привел картинку в движение. Элия, сотканная из серебристых нитей, расшнуровывала платье. Мужчина, не двигаясь, следил за ее движениями. Я не чувствовала в нем ни желания, ни ненависти к стоявшей перед ним девушке. Только странная, неестественная потребность убить ее. И страх.

В поле моего зрения показался кинжал. Я потянулась к нему, и призрачное оружие мягко скользнуло в мою ладонь. Тонкий узкий клинок с обоюдоострым лезвием и изогнутой гардой, нетипичный для мастеров Веньятты. Он больше походил на дорогое украшение к придворным одеждам, чем на настоящее оружие, хотяковка была хорошая и, судя по отсутствию блеска на лезвии, заточен он был отменно. Я покрутила призрачный клинок в поисках клейма, но не смогла отыскать его.

Костяную рукоять украшала затейливая резьба, однако узор был едва различим: в том месте, где оружие сжимала рука менталиста, иллюзия оставалась пустой, прозрачной. В основании был закреплен некрупный защитный кристалл. Камень тускло светился холодным светом, и отголоски знакомой энергии растекались по гарде и лезвию. Ромилия? Аллегранца?

Вернув кинжал в руку Дьячелли, я вновь оживила картин-

ку. Призрачные нити шнуровки на платье Элии лопнули от прикосновения острого клинка. А затем я увидела, как лезвие резко, по рукоять, вошло в живот девушки.

Позади, почти на грани видимости, чья-то тень, прежде невидимая, жадно подалась ближе.

Я замерла, и сцена убийства тоже застыла в момент падения Элии на мостовую. Взмахом руки я приблизила картинку. Призрачная фигурка девушки, подхваченная Спиро Дьячелли, растворилась в воздухе, давая мне возможность разглядеть силуэт нового участника этой драмы. Незвестный, прежде державшийся в тени, лишь на мгновение мелькнул в луче лунного света. Я различила очертания головы и плеч, но рассеянный свет не давал четкого контура, и понять, кто оказался свидетелем убийства, было невозможно.

Горло сдавило от напряжения. Сглотнув, я осторожно начала раскручивать сцену обратно от конца к началу, пристально вглядываясь в тени, плясавшие по камням мостовой. Две фигуры, слившиеся в одну, — Элия и Спиро медленно разъединились. Ее тонкий силуэт чуть дрожал, когда она, путаясь в завязках, туго зашнуровывала корсет. Спиро попытался, Элия тоже. Далекие огни центра Веньятты становились все дальше, девушка замедлила бег, а вскоре скрылась в густой тени, нырнув в один из боковых проулков. Незвестный человек, которого я пыталась увидеть, ничем не выдал себя.

Но видение против моих ожиданий не оборвалось.

Улица двигалась назад, пока наконец не показался высокий забор, отделявший складские помещения порта от жилых кварталов. В поле моего зрения попали грубо сколоченные коробки, мешки. Слева темнел зев открытого склада, а массивная тень на воде, скорее всего, принадлежала пришвартованному торговому паруснику. Шла разгрузка судна. Я не чувствовала вокруг людей, доки были пусты. Видимо, в ночную смену Дьячелли работал один.

Он застыл посреди двора, готовый по неслышиму сигналу двинуться вперед, к Элии. Страх пополам с напряженным ожиданием чего-то неведомого сковывал его, пригвозждая к месту. У его ног лежал брошенный на землю мешок, и из развязавшейся горловины выглядывали темные зерна пшеницы. С удвоенной осторожностью я отсчитывала мгновения, проверяя, как далеко вглубь сохранившихся воспоминаний осужденного менталистасумею заглянуть. Контурь доков истончались по мере того, как слабела ментальная связь. Казалось, еще немного, и энергетические нити, не толще волоса, лопнут и картина рассыплется снопом догорающих искр.

Темный силуэт выскользнул из тени, и почти сразу я ощутила иллюзорный толчок в плечо. Правая рука налилась тяжестью от вложенного в пальцы Спиро Дьячелли резного клинка, ладонь обожгла резкая боль — костяной узор оцарапал кожу. Руки портового работника коснулись чьи-то холодные пальцы, и я почувствовала, как перетекает через

это прикосновение бездушный ментальный приказ. Картинка пустынного двора задрожала, едва удерживаемая моей магией.

Вот оно. Незнакомец подошел тихо, бесшумно, и его прикосновение оказалось почти незаметным, едва уловимым. Он прошмыгнул, словно тень, и тут же растворился в окутавшей порт черноте, оставляя Спиро с оружием в руках и четким ментальным приказом: дождаться идущую по улице девушку, остановить, затуманить ей разум и убить. На короткое мгновение низкая полная луна высветила контур менталиста рядом с тенью грузчика, и я разглядела очертания высокой фигуры в модных узких брюках и приталенный силуэт короткого сюртука. Сбоку чуть топорщились опустевшие ножны. Пальцы незнакомца были увешаны массивными перстнями. Волосы, длиной почти по самые плечи, непослушной копной вились вокруг головы. Шею обхватывал жесткий воротничок-стойка.

Аристократ. Кто-то из высшей знати, и, судя по клинку, вряд ли менталист был уроженцем наших земель.

С негромким хлопком сотканный мною призрачный образ ночной Венъятты и две неподвижные тени на мостовой рассыпались сотнями бесполезных нитей.

Я устало привалилась спиной к холодной стене карцера. Остаточная магия покалывала пальцы, а внутри, отдаваясь ноющей болью в висках, зрела уверенность, что призрачная картина, воссозданная мною по памяти Спиро Дьячелли, по-

что в точности повторяла ту, другую, что я когда-то вытащила из разума заключенного, дело которого расследовал Стефано Пацци. Только тогда утопленную девушку со следами ментального воздействия нашли на отмели.

Лодочник-менталист, перевозивший людей между многочисленными островками, на которых раскинулись пригороды Веньятты, с помощью магии заманил леди Бригитту Ареццо в лодку на глазах у десятка свидетелей, а после, добравшись до отдаленного острова, утопил на мелководье. Убийцу отыскивали почти сразу же, он не пытался скрыться от правосудия или отрицать случившееся. Любой из известных мне законников удовлетворился бы сбивчивым признанием лодочника и закрыл дело. Но не младший дознаватель Стефано Пацци. Мотив преступления не давал ему покоя.

Тогда под нетерпеливым взглядом молодого законника я изучила обрывки памяти лодочника вдоль и поперек, но в сознании, разрушенном ментальной магией, сложно было различить хоть что-то осмысленное. Но даже так, среди мутных образов и полубезумного бреда безвольного убийцы, я смогла почувствовать те же тончайшие холодные серебряные нити чужой ментальной магии. Несколько лет назад неизвестный менталист разгуливал по улицам Веньятты, подчиняя более слабых магов и толкая их на чудовищные преступления.

И теперь он появился снова.

ГЛАВА 4

Должно быть, я задремала, потому что очнулась лишь тогда, когда моя магия, удивительно своевольная, уже потянулась серебристо-белыми нитями навстречу Пауку. Обычно послушная и тихая, рядом с новым главным дознавателем она, казалось, полностью выходила из-под контроля. Это едва преодолимое притяжение могло означать только одно, то, чего мне так отчаянно не хотелось признавать с самой первой нашей встречи, — мы были энергетически совместимы.

Какая жестокая насмешка природы.

В северных землях, где политическая выгода всегда ставилась на первое место при выборе супруга, энергетическую совместимость считали чем-то вроде досадной помехи, пережитка прошлого, только мешающего образованию выгодного союза. Последовавших зову магии осуждали, называя недалёковидными глупцами. Энергетическая совместимость, вещь сложная и непредсказуемая, могла связать воедино магию двух совершенно неподходящих, по мнению общества, людей — например, леди и бастарда, лорда и девишку из обедневшей семьи, а то и вовсе двух мужчин.

Но на юге, в родных землях Паука, все было иначе. Южане охотно подчинялись зову магии, даже если это означало заключение невыгодного с политической точки зрения союза. Ходили слухи, что уроженцы Ниаретта чувствовали энерге-

тическую совместимость, как псы чуют близость желанной добычи. А значит...

Он знал.

Усилием воли я заставила свою энергию отпрянуть, едва коснувшись. Но даже столь мимолетного контакта хватило, чтобы понять — главный дознаватель Веньятты был зол. Очень, очень зол.

Его сила бурлила внутри черным лавовым озером, готовая выплеснуться наружу в любую секунду, и темные искры, как предвестники страшного извержения, рассыпались во круг, заставляя магически одаренных заключенных испуганно вжиматься в стену в бессознательной попытке спрятаться от испепеляющей мощи главного дознавателя, а сопровождавших его охранников сбиваться с шага.

Хлопнула дверь. Кованые подошвы форменных сапог гулко застучали по неровному каменному полу. Что-то сбивчиво забормотал охранник. Провернулся в замке ключ, заскрежетала решетка. Я пожалела, что в коридоре нижнего уровня тюрьмы из экономии не зажигали факелы, потому что свет фонаря в руках охранника на мгновение ослепил меня. Растерянно моргая, я инстинктивно отпрянула вглубь, к самому краю жесткого настила, и замерла.

— Господин, вам, наверное, не стоит... вы... я позову коменданта, — стушевался охранник.

Снова скрипнула дверь. Пятно яркого света заколыхалось, удаляясь все дальше и дальше в сторону выхода к верх-

ним уровням. Мы остались вдвоем в полумраке, нарушаемом лишь светящимися артефактами на форменном кителе главного дознавателя.

В тесном карцере Паук показался мне огромным. Он словно бы заполнял собой все пространство, выжимая даже воздух. Вдруг стало тяжело дышать, живот потянуло нервным спазмом.

— Ваш менталист мертв, — хрипло произнес Паук, решительно шагнув ближе.

Не найдя ничего лучше, он сел прямо на жесткий настил — слишком близко, едва не задев меня. Я нервно подтянула колени к груди и поспешно одернула юбку — мелькнувшие лодыжки, хоть и скрытые плотными шерстяными чулками, привлекли неприязненное внимание Паука.

Уголок его губы дернулся, лицо исказила гримаса крайнего отвращения.

— Не спросите почему? — почти выплюнул он. — Или лимит слов на сегодня исчерпан? Все?

— Полагаю, господин главный дознаватель, его казнили, — переборков дрожь, ровно ответила я.

— Нет, — качнул головой Паук. Он залез в ворот рубашки и с силой, до побелевших костяшек пальцев, сжал тускло светящийся артефакт, висевший на цепочке. Я почувствовала отголосок знакомой магии: янтарный медальон с пауком окутал главного дознавателя потоком серебристо-черной энергии, холодной и отрезвляющей. — Он умер сам. По

предварительному заключению, данному судебным лекарем, от внутреннего кровотечения и кровоизлияния в мозг. Так что ваша теория о предыдущем ментальном воздействии перестает казаться неправдоподобной.

Тон его голоса постепенно выравнивался, как будто разговор об обстоятельствах дела успокаивал его, усыпляя опасное и нестабильное нечто, которое я ощущала внутри него. Паук выпрямился, брезгливые морщины разгладились. Даже темная энергия, казалось, затихла.

Я решила, что более подходящего момента может и не представиться.

— И клинок, — бросила я с кажущимся безразличием. — Такой клинок никак не мог принадлежать портовому работнику.

— Какой клинок? — Паук, едва различимый в полумраке камеры, резко повернулся ко мне, и я поспешно опустила взгляд.

Главный дознаватель взмахнул рукой, и факелы на стенах разом вспыхнули, разбрасывая снопы искр. Тюремный коридор и камеры озарились ярким слепящим светом. Я услышала, как испуганно вскрикнули в других камерах карцера заключенные.

Еще одно нетерпеливое движение — и свет стал приглушеннее, спокойнее. Я чуть выдохнула, расслабляясь, и вдруг почувствовала на себе пристальный взгляд Паука.

Он заглотил наживку.

— Какой клинок? — повторил он. — И смотрите на меня, когда говорите! Не надо так дрожать, я не верю во всю эту чушь про проклятие взглядами, вздохами и неосторожными мыслями.

Медленно я подняла голову и взглянула прямо в желто-карие глаза главного дознавателя.

— Узкий обоюдоострый клинок, стилет. — Мне не составило труда восстановить в памяти призрачный образ, ранее детально воссозданный моей магией. — Такие характерны для юго-восточных земель Иллирии — Ромилии, Аллегранцы, Ниаретта. Изогнутая гарда, резная костяная рукоять. Навершие инкрустировано защитным кристаллом. Небольшой остаточный заряд, скорее всего, должен был сохраниться и после удара.

Паук прищурился, словно задумавшись над чем-то. Я молчала, ожидая, что он сам задаст следующий вопрос, но главный дознаватель не спешил интересоваться подробностями. Время тянулось мучительно медленно, а он так и не проронил ни слова. Казалось, смятый подол моего платья занимал его гораздо больше, чем менталист-убийца.

На мгновение прикрыв глаза, я еще раз мысленно прокрутила события ночи убийства. Ладонь сама собой ощутила тяжесть клинка. Я вспомнила прикосновение холодных пальцев менталиста и боль, пронзившую пальцы грузчика.

— Тело Спиро сожгли?

Паук посмотрел на меня с тенью любопытства, а после по-

качал головой.

— Проверьте его правую ладонь. Должны обнаружиться свежие царапины. Когда ему в руку вложили клинок, костяной узор оцарапал кожу.

— Вложили... — насмешливо протянул главный дознаватель. — Вынудили...

Отклонив голову назад, я посмотрела на Паука. Его лицо было непроницаемо — каменное изваяние, не иначе. Лишь в глубине желто-карих глаз тлел опасный огонек, не суливший мне, осужденной за ментальную магию, ничего хорошего.

Казалось, Паук от всей души ненавидел таких, как я.

— Откуда вы это знаете, заключенная? — заметив мой взгляд, хрипло спросил он.

— Я изучила энергетическую реплику того, что успела считать из воспоминаний Спиро Дьячелли о ночи убийства.

— Вы создали энергетическую реплику? — нахмурился Паук, вглядываясь в мое лицо с каким-то непонятным беспокойством.

Я кивнула:

— Да. У меня хорошая память.

— И, надо полагать, резерв.

Это прозвучало так, словно Паук хотел обвинить меня в бессмысленной растрате драгоценной энергии, по его мнению, вероятно, принадлежавшей исключительно исследовательскому центру Бьянкини, отделу магического контроля и Короне, но никак не мне самой.

Я оставила его замечание без комментариев. Оправдаться не хотелось — у меня была совершенно иная цель, и я должна была ее достичь во что бы то ни стало.

— Лорд Эркьяни, — негромко произнесла я, вспомнив, как он отреагировал в прошлый раз, когда я обратилась к нему по имени, — я знаю, зачем вы здесь. Знаю, чего вы хотите.

Он замер на мгновение — практически застыл, даже дышать перестал. Скользнул мрачным взглядом по моему телу снизу вверх, от штопаного подола старого форменного платья до небрежно забранных в узел на макушке светлых волос, задержавшись почему-то лишь на губах.

— И чего же, заключенная? — Насмешка ушла из его голоса, осталось лишь глухое раздражение, почти злость.

Он явно не понял меня — подумал не то. Наверняка многие осужденные женщины пытались выторговать поблажки, расплачиваясь собственным телом, но я была совершенно уверена — Паука заинтересует не это.

Я облизнула пересохшие губы.

— Должность верховного обвинителя, не так ли?

Желто-карие глаза вспыхнули.

Я продолжила, прежде чем он сказал хоть слово:

— Это не первый подобный случай. Только представьте, что менталист-убийца, настоящий убийца, годами оставался безнаказанным, прячась под самым носом отдела магического контроля Веньятты, под самым носом вашего предше-

ственника. А вы... — я чуть-чуть, самую капельку, подалась вперед, плавно и медленно, чтобы не спровоцировать его, и придала голосу проникновенной убедительности, — вы сорвете с него покровы, выведете на чистую воду. Раскроете это громкое преступление, достойное внимания Короны, достойное высшей награды из рук самого короля. Это дело может вывести вас на самый верх, дать вам все, чего вы хотите.

Паук молча смотрел на меня, практически не мигая. Под его тяжелым взглядом внутри всколыхнулась тревога, пальцы предательски похолодели — хотелось провалиться сквозь каменный пол к самому основанию тюрьмы, лишь бы оказаться как можно дальше от главного дознавателя. Но я упорно продолжала говорить, улыбаясь уголками губ, отчаянно желая, чтобы честолюбие взяло верх и Паук уцепился за подкинутую ему возможность.

— Я чувствовала такое прежде. Здесь, в стенах крепости Бьянкини, были и другие осужденные, подобные Спиро Дьячелли. Поднимите архивы...

Дверь, ведущая на нижний уровень, распахнулась, с грохотом ударившись о стену. От прилива свежего воздуха пламя факелов задрожало, жадно потянувшись к вошедшим. Я распознала мелкие семенящие шаги коменданта и широкие, чеканные — Бьерри.

Вытирая пот со лба, комендант замер по другую сторону решетки. Бьерри встал за его спиной. Поймав мой взгляд, старый законник осуждающе покачал головой, словно напо-

миная: он говорил, что близкое общение с главным дознавателем до добра не доведет.

— Господин главный дознаватель, — комендант воззрился на Паука, сидевшего недопустимо близко ко мне на узкой жесткой койке карцера, с суеверным ужасом, но, встретив едкий взгляд главного дознавателя, осекся, — мне доложили, что вы спустились сюда. Как видите, заключенная отбывает положенное наказание. Я взял на себя смелость... — Он замялся.

Не глядя на меня, Паук медленно поднялся. Я почувствовала, как, кружась, набирал силу черный энергетический шторм вокруг главного дознавателя, по мере того как он подходил все ближе к начальнику исследовательского центра. Темные щупальца магии потянулись к отечной шее.

— Вы... вы получили мой скромный подарок? — залепетал комендант, вжимая голову в плечи под пристальным взглядом Паука. — Ящик отменного вина из Ниаретта, лучшего, что можно достать у нас. Я надеялся, вам будут приятны... воспоминания о родных краях.

— Почему заключенная находится в карцере? — обманчиво ровным голосом поинтересовался Паук.

— Так вы же сами... — Комендант беспомощно взглянул на Бьерри, но старый законник только пожал плечами. Начальник исследовательского центра тяжело вздохнул и обреченно закончил: — Не извольте беспокоиться, все исправим.

— Не торопитесь. — Паук небрежно махнул рукой, и ко-

мендант, уже собравшийся было позвать охранников, ожидавших у выхода, замер. — Сегодня утром я инспектировал камеры верхнего уровня. Условия, в которых содержатся полезные закону преступники, неприемлемы. Я требую, чтобы заключенную номер семь определили в более приличные комнаты. Уверен, на территории центра должны найтись такие.

Комендант перевел взгляд с Паука на меня, а затем обратно, и выражение его лица неуловимо изменилось, приобрело хищный, мерзкий оттенок. Глаза маслянисто заблестели, рот растянулся в нехорошей улыбке. Я сразу поняла, что вывод, к которому пришел комендант, оценив обстановку, мне не понравится.

Так и вышло.

— Господин главный дознаватель, я вижу... интерес... Если пожелаете, буду счастлив принимать вас в своем доме в Бьянкини. У меня есть очаровательная племянница, типичная уроженка наших земель, утонченная белокожая блондинка, милейшая девочка. Она почтет за честь оказать вам... особое внимание.

Паук, казалось, окаменел. Застыл в шаге от коменданта, неподвижный, словно статуя из темного гранита, и лишь ногти впились в незащищенные перчатками ладони. Ощувив его ярость, я инстинктивно вжалась в стену, Бьерри попятился. Один комендант не заметил реакции главного дознавателя, с каждым последующим предложением зарывая себя все глуб-

же и глубже.

— Но если для вас предпочтительнее... воспользоваться... одной из заключенных, я готов лично подыскать для вас красивую, послушную и совершенно безопасную девочку. И лучшую комнату на верхнем уровне, самую лучшую, самую удобную. Разумеется, ни словечка об этом не покинет стен Бьянкини.

Паук молчал — опасно, напряженно молчал. Побледневший Бьерри предостерегающе прикоснулся к плечу начальника центра, но тот досадливо стряхнул его ладонь. По старой привычке, вбитой с детства, я прикрыла себя, Бьерри и коменданта невидимым щитом. Если Паук, ослабив контроль, отпустит на свободу всю мощь темной энергии Нияретта, от нас, карцера, да и всего острова-тюрьмы — а возможно, даже от центра и близлежащего Бьянкини — останется лишь груда каменных обломков.

«Никогда не провоцируй южанина», — повторяли учителя, нанятые лордом и леди Астерио для своих детей. Сейчас я особенно остро осознала правдивость этих слов.

Но комендант, совершенно нечувствительный к энергетическим потокам, не ощущал нависшей над ним опасности. Он все еще улыбался, криво, заискивающе, и во взгляде сквозило едва прикрытое торжество. Вот она, маленькая слабость господина главного дознавателя, ниточка, за которую после можно будет дергать, чтобы получить выгоду и упрочить собственное влияние.

Подняв руки, словно сдаваясь, комендант бросил беглый взгляд на меня — я еле успела отвернуться и опустить голову — и грязно усмехнулся.

— Что ж, — с фальшивым сожалением проговорил он, — если вы предпочитаете... опасность... мы можем опустошить ментальный резерв этой заключенной на накопителях или других узниках, а после она перейдет в ваше полное распоряжение. Конечно, риск, что она каким-то чудом сможет собрать крохи энергии и ментально повлиять на вас, останется, но куда же без этого. Ведь именно риск так будоражит кровь. Есть в этом... какая-то особая острота, притягательность. Хотя я, конечно, не стал бы... Да и она послушная девочка, понимает, что будет, если...

Мне показалось, еще слово — и черная мощь, подобно пробудившемуся вулкану, вырвется из-под контроля, сметая все вокруг обжигающим огненным потоком.

— Господин комендант, — раздался ледяной вопреки всему голос, — мне начинает казаться, что у вас в центре не только бардак, но и бордель.

Комендант гулко сглотнул. Он лихорадочно закрутил головой в поисках поддержки, но Бьерри избегал встречаться с ним взглядом, а Паук стоял посреди камеры как воплощение карающей длани правосудия, беспощадной к царившему в Бьянкини произволу и взяточничеству.

— Что вы, — заикаясь и стремительно бледнея, пролепетал комендант. — Как... как можно. Это... это не то, что вы

подумали.

Исчерпав весь запас красноречия, он умолк.

— Раз уж речь зашла о бардаке, — недобро прищурился Паук, — то я, пожалуй, не прочь изучить финансовые документы центра. Прямо сейчас.

Комендант бессознательно схватился за отворот пиджака возле сердца. Выглядел он так, будто его действительно вот-вот хватит удар.

— К-конечно, г-господин главный дознаватель, — запинаясь, произнес он и засеменил в сторону выхода. — С-следуйте за мной. В-все п-предоставим в лучшем в-виде.

Паук едва удостоил его небрежным кивком. Бросив на меня беглый взгляд, полный бессловесной злобы, он молча вышел из камеры. Бьерри чуть выступил вперед и заскочил в карцер прежде, чем решетка захлопнулась за спиной главного дознавателя.

— Пойдем, дочка. — Он подхватил меня под локти, помогая подняться. — Я отведу тебя обратно, пока господа разбираются.

Выждав, когда на винтовой лестнице затихнут шаги Паука и коменданта, мы побрели следом. Бьерри молчал, и я кожей чувствовала его неодобрение. Мне нечего было возразить старому законнику. Обиднее всего было то, что, несмотря на все мои старания, Паук, кажется, так и не решил взяться за дело Спиро Дьячелли и других жертв убийцы-менталиста.

— Ничего не вышло, Бьерри, — пожаловалась я. После сырого карцера меня немного знобило, и старый законник, вздохнув, накрыл мои плечи своим форменным кителем. Я благодарно улыбнулась ему, он же в ответ лишь хмуро поджал губы. — Его совершенно не волнуют беды простых людей. Я не сумела уговорить его помочь.

— Вот и хорошо, как по мне. Ни к чему тебе лишнее внимание главного дознавателя, дочка. Уж поверь мне, совершенно ни к чему такое. Чую, — он кашлянул, проглатывая крепкое словцо, — нутром, что плату за помощь он бы потребовал такую... В общем, лишнее это.

— И что же теперь делать? — Я поплотнее запахнулась в китель, согретый теплом Бьерри. — Жертва в могиле, убийца на свободе. Как спать по ночам, понимая, что я могла что-то сделать, но... не нашла нужных слов. Не подобрала к нему ключика. Не разгадала его. Не прочитала, не почувствовала...

Законник не ответил.

Привычный распорядок жизни в тюрьме и исследовательском центре постепенно менялся. Бьерри, по-прежнему ежедневно сопровождавший меня до рабочих комнат и обрат-

но, вполголоса делился новостями. В отчаянной попытке сохранить теплое место комендант с позором уволил главного управляющего, архивариуса, главного надзирателя тюрьмы и старшего кладовщика, некогда обласканных вниманием начальника. Остальные ходили по струнке и поддерживали в исследовательском центре образцовый порядок.

На этом, однако, перемены не закончились. Сначала я целый час прождала Бьерри, гадая, не придумал ли Паук или комендант очередного наказания для меня и не уволен ли старый надзиратель. Но после переговоров через стенку с иренийцем выяснилось, что согласно новому приказу рабочий день заключенных теперь начинался на час позже и заканчивался на час раньше. Действительно, за несколько минут до того, как часы на башне центра пробили девять, Бьерри наконец пропустили в тюрьму. Законник окинул меня хмурым взглядом, словно проверяя, не со мной ли связаны неожиданные нововведения, но я лишь покачала головой. Путь до рабочих комнат мы проделали в молчании.

А на следующее утро бригада плотников, принесших с собой свежееобструганные доски, принялась бодро сколачивать новую мебель прямо в камерах. Ирениец, братья-артефакторы и я наблюдали за этим в немом удивлении. Чуть позже доставили новые матрасы, теплые одеяла и по два комплекта постельного белья.

Я не знала, кого благодарить за все это. То ли комендант пытался выслужиться, устроив такие радикальные измене-

ния в привычном тюремном укладе, то ли сам главный дознаватель был одержим кипучей жадой деятельности. Конечно, добротная кровать, шкаф и плетеная циновка на полу были куда приятнее холодных камней и покосившейся мебели, но непонятно было, как долго продержатся эти перемены и чего это будет нам стоить.

— Заключение номер семь! — рявкнул охранник, и я едва успела повернуться, как мне в руки швырнули толстый плед, поверх которого лежали две пары добротных сапожек. Темная кожа и плотная частая шнуровка по голенищу, которую мастера называли «южными петлями», однозначно указывали на личность дарителя. Выходит, вопреки чаяниям Бьерри Паук не забыл о моем существовании.

Братья завистливо присвистнули. Ирениец, ожидавший рядом со мной, растянул тонкие губы в улыбке.

— Вам повезло, Янитта, — беззлобно произнес он. — Впервые кому-то есть дело до вашей судьбы. Примите это как должное.

Я пожала плечами. Задумываться о мотивах поступков Паука не хотелось.

За все это время сам он больше ни разу не появился. Я не видела его ни в тюремных коридорах, ни в рабочей зоне исследовательского центра, и моя магия, жадно тянувшаяся к его темной силе, тоже не чувствовала его присутствия. Поговаривали, что главный дознаватель наносит регулярные визиты в Бьянкини, но наши пути не пересекались.

Нельзя сказать, что мне было жаль.

Через несколько дней после переоборудования камер нас впервые вывели на прогулку. Старший надзиратель отпер дверь, ведущую на крышу тюрьмы, и под пристальными взглядами десятка охранников нам, разномастным заключенным, которых странный приказ оторвал от незавершенных артефактов, кипящих зелий и начатых документов, надлежало провести весь следующий час на свежем воздухе. Хмурые тучи поливали крышу холодным мелким дождем.

Отсюда, сверху, город Бьянкини и соседние острова были как на ладони. Разноцветные улочки, едва различимые за серой пеленой дождя, манили вопреки непогоде. Крохотные точки — фигурки людей — сновали туда-сюда, жили обычной мирной жизнью. Темные свинцовые воды лизали каменные мостовые и основания домов, выходявших к каналам. Заливы заполняли маленькие черные лодочки рыбаков и торговцев.

Кутаясь в плащ, я забила в дальний угол под свод сторожевой башни. Некоторое время спустя ко мне присоединился ирениец. Мастер выглядел неважно: налицо были все признаки начинавшейся простуды.

— Похоже, рвение господина коменданта зашло слишком далеко. — Он хлопнул носом. — Многие заключенные недовольны новыми порядками, как хороши бы они ни были на первый взгляд. — У кого-то несварение от нового рациона, другие болеют после прогулок. Я не успеваю завершить

реакции, но Мариусу, моему надзирателю, был дан строгий приказ следить, чтобы я возвращался в камеру на час раньше обычного. Кресло под начальником центра шатается, и все, что он делает, лишь ухудшает его положение.

Ирениец оглушительно чихнул.

— Надеюсь, кто-нибудь наберется смелости намекнуть господину главному дознавателю, что ситуация требует некоторых корректировок.

Я промолчала, сделав вид, что не поняла плохо прикрытого намека.

Прошло несколько недель, и страсти в исследовательском центре, казалось, улеглись. Новый распорядок окончательно сменил старый, и все вернулось на круги своя. Бьерри, в первое время хмурый и напряженный, убедился, что после пледа и сапог Паук больше не проявлял ко мне интереса, и вновь расслабился, позволяя себе иногда даже похвалить главного дознавателя за удобный график и прибавку к жалованью. Я вежливо соглашалась.

Но где-то глубоко внутри я знала: этим все не закончится. И ждала.

На исходе третьей недели гулкое эхо шагов возвестило о раннем визитере. Я была готова: магия разбудила меня, беспокойная, трепещущая в нетерпеливом ожидании. Паук остановился у моей камеры и отпер замок. Несмотря на рассветный час, он выглядел бодрым, собранным и решительным. Черная энергия клубилась вокруг него темными опас-

ными волнами.

— Вы нужны мне, — безо всяких предисловий произнес он.

Я посмотрела ему в глаза, сбитая с толку этим неожиданным признанием. Паук, верно, ожидал иной реакции. Не получив ответа, он спросил другим, более деловым тоном:

— У вас действительно настолько хорошая память, как вы утверждаете, заключенная?

— Да, господин главный дознаватель, — без промедления ответила я. — Все важное я прекрасно помню.

Он кинул мне в руки теплый плащ и жестом указал в сторону коридора:

— Выходите. Сегодня мы с вами едем в городской судебный архив.

ГЛАВА 5

Остроносый чинторро, выкрашенный в черный цвет, с серебряными геральдическими рыбами по бокам, ждал нас на пристани возле исследовательского центра. При виде лодки, столь привычной для всякого состоятельного жителя Веньятты, кольнуло сердце. Чинторьерро, высокий худой мужчина в форменной одежде гильдии, занимавшейся перевозкой пассажиров и грузов по узким городским каналам, почтительно поклонился главному дознавателю и посторонился, уступая нам низкие скамеечки с резными подлокотниками.

Паук легко запрыгнул в лодку и протянул мне руку, словно хотел помочь. Я оторопело уставилась на его ладонь. Мне незачем было опасаться грубого нарушения правил — на мне были перчатки. На Пауке — нет.

— Быстрее. — Он нетерпеливо нахмурился.

Я покорно оперлась на его руку, неожиданно твердую и сильную, и главный дознаватель без труда помог мне переступить с пристани на плоское деревянное дно чинторро.

На мгновение наши взгляды встретились, и я смутилась от странного огонька, промелькнувшего в его глазах. Ладонь, сжимавшая мои пальцы, показалась горячей даже сквозь грубую кожу перчаток. Устроившись на скамейке как можно дальше от Паука, я запахнулась в плащ.

Залив тонул в тумане. От темных вод веяло холодом. Сумрачная Веньятта, приближавшаяся с каждым взмахом весел, вставала над нами каменной громадой. Предраассветный туман скрадывал краски, отчего город казался серым призрачным миражом, колыхавшимся над заливом. Промозглая белесая дымка стелилась по смутно различимым улицам и каналам, и неясные тени — люди, повозки, широкие лодки и узконосые чинторро — то выныривали, то снова скрывались в полумраке. Слышался лишь тихий плеск воды, разрезаемой веслами нашего молчаливого гребца.

— Веньятта, — негромко проговорил Паук. — Город торговцев в дорогих одеждах. Город лжецов в украшенных драгоценными кристаллами масках, неверных лордов, плетущих паутины заговоров, прикрываясь напускной, насквозь фальшивой заботой о благополучии земли и Короны. Город-мираж, манящий пустыми обещаниями невозможного счастья. — Он повернул голову ко мне, скользнул внимательным взглядом по лицу. — Ваш прекрасный город.

Чинторьерро с силой сжал в руках весла и отвернулся, чтобы скрыть гримасу неодобрения. Я тоже сочла за лучшее не отвечать. Главный дознаватель смерил меня мрачным взглядом, но не добавил больше ни слова.

Проход в город со стороны северных островов ограждала высокая каменная арка. В смутные времена кованые ворота закрывались, и сплошная стена из прибрежных домов и складов превращала Веньятту в неприступную крепость

с высокими окнами-бойницами. Сейчас, когда земли Иллирии давно уже открыто не враждовали между собой, Северные ворота всегда оставались гостеприимно распахнутыми, и десятки разномастных судов круглые сутки сновали туда-сюда, осуществляя сложную навигацию в густом тумане под громкие крики смотрящих на сторожевых башнях. Яркий луч маяка, усиленный кристаллическими линзами, пробежал по туманной глади.

— Эй, черный, бери правее! — раздалась команда, и чинторро послушно прижался к пристани, вплетаясь в поток судов, заполнявших Большой канал, главную транспортную артерию Венъятты, по обеим сторонам которого располагались дома всех старейших семей города, ратуша, городской совет и представительства самых богатых торговых компаний.

Каменные пристани, крутобокие мостики, стрельчатые окна и крытые галереи с длинными рядами белоснежных мраморных колонн вызвали в душе нервный трепет. Будто я наконец-то возвращалась домой. Под толстым плащом почти не было видно форменного платья заключенной, а черная лодочка, чуть покачиваясь, проплывала мимо особняков и зданий, знакомых с детства, и все это создавало иллюзию свободы, иллюзию нормальности. За годы, проведенные в Бьянкини, мне нечасто доводилось покидать стены исследовательского центра, и сейчас я наслаждалась каждым мгновением, каждой волной, каждым глотком стылого, пахнуще-

го морской водой и водорослями воздуха.

Городской судебный архив располагался чуть в стороне от Большого канала, скрытый в хитросплетении площадей и улиц. Заломив лихой поворот, чинторьерро направил узкую лодку между домами. Вытащив из воды весла, он аккуратно пристроил их в специальный отсек вдоль борта и снял с пояса черную палку с некрупным кристаллом — торонн, символ и главный инструмент всех членов гильдии, которым разрешалось плавать в городе по узким извилистым каналам вне основных навигационных путей.

Негромкий щелчок, вспышка артефакта — и палка, удлинившись вдесятеро, без плеска вошла в темную воду. Чинторьерро нащупал дно и, оттолкнувшись от одному ему известного подводного выступа, умело повел чинторро вдоль глухих стен.

Гребец затянул песню — долгую, протяжную, переливчатую, словно волны, лижущие каменные стены и мостовые. Песни, как и увенчанные кристаллами торонны, были важнейшей отличительной чертой чинторьерро Веньятты. В густом тумане, скрадывающем все звуки, не слышно было мягко скользящих остроносых лодочек. Но глубокий баритон гребца, эхом отраженный от стен домов, и сияющая звездочка кристалла в торонне сообщали другим чинторро о нашем приближении. Прислушавшись, я различила, как откликаются на звуки песни другие голоса. Утренний город оживал, все приходило в движение.

Горло сдавило острой тоской. Я зажмурилась на мгновение, силясь подавить в себе так несвоевременно всколыхнувшиеся чувства. Сердце ныло, рвалось из груди, вторя бархатному голосу чинторьерро.

Горячая ладонь коснулась моего предплечья. Вздрыгнув, я открыла глаза и наткнулась на пристальный взгляд главного дознавателя.

— Вам дурно?

Я покачала головой и торопливо отвернулась.

Лодочка мягко толкнулась о причал, и гребец, сложив торонн, пришвартовал ее рядом с другими чернобокими суденышками. Паук выбрался первым и снова протянул мне руку, и в этот раз я не стала медлить.

Маленькая площадь перед городским судебным архивом была полна людей. Мелкие лавочники снимали с витрин тяжелые ставни, кто-то набирал пресную воду из городского резервуара, к началу рабочего дня из переулков тоненькими ручейками стягивались служащие в теплых форменных одеждах. Я медленно пошла вслед за ними, чувствуя, как спину жжет взгляд главного дознавателя.

Тяжелая дверь отворилась передо мной, пропуская в полумрак холла, и с грохотом захлопнулась, отсекая меня от иллюзорной свободы.

— Садитесь. — Главный дознаватель отодвинул передо мной массивный стул с резными подлокотниками. Я послушно опустилась на мягкое сиденье, сложила перед собой руки в толстых перчатках и замерла в ожидании, когда Паук наконец сообщит, зачем он привез меня сюда.

Кабинет с видом на канал, выделенный главному дознавателю, располагался на втором этаже здания архива. Через приоткрытое окно доносилось приглушенное пение гребцов и шум пробуждавшегося города. Мягкий утренний свет заливал комнату, придавая всему розоватый оттенок.

Паук, раздраженно меривший шагами комнату, остановился у противоположной от меня стороны стола.

— Ваша серия не складывается, — отрывисто произнес он. — Мне удалось отыскать несколько случаев, где жертвами выступали молодые девушки благородного происхождения, а убийцами — менталисты, но не более того. Все они убиты разными способами в разное время. Ничего общего.

Он подошел к шкафу и вынул какие-то бумаги с нижней полки. Стопка пухлых папок тяжело опустилась на стол.

— Десять дел за последние восемь лет, — бросил он. — Три леди заколоты либо зарезаны, но каждое из этих убийств разделяет по меньшей мере несколько лет. Двух девушек

утопили. Впрочем, полагаю, для ваших краев это не редкость. Есть одна задушенная, одна застреленная, а одна сброшена с крыши. Две особы сошли с ума от ментального воздействия и скончались, подобно Дьячелли, через некоторое время после происшествия.

Паук разложил передо мной папки веером на всю длину стола. Пододвинул стул — простой, вероятно, используемый для посетителей — и сел рядом.

— Ознакомьтесь. — Он жестом указал на разномастные, грязные документы с надорванными уголками: в городском судебном архиве за порядком следили ничуть не лучше, чем в исследовательском центре. — Какие из этих случаев вам известны?

Я осторожно, стараясь случайно не коснуться Паука, подтянула к себе первую папку, посмотрела дату, пробежалась глазами по кривым строчкам отчета. Главный дознаватель наблюдал за моей работой, не вмешиваясь, но я кожей чувствовала его внимательный изучающий взгляд. Это сбивало с мысли, не давало полностью сосредоточиться.

Дело было собрано кое-как: менталиста поймали и казнили — так зачем же после утруждать себя заполнением лишних бумажек. Долистав до конца, я отодвинула папку в сторону. Чуть позже к ней присоединилась и вторая. Леди Маррея, дочь лорда Бехо, приближенного к семейству Астерио, была зарезана в самом начале карнавального месяца в Веньятте. Тело со следами ментального воздействия отыскивали

за городом лишь несколько дней спустя, и преступнику удалось скрыться. А юная супруга одного из судовладельцев была утоплена в канале посыльным, который принес ее покупки с ярмарки.

Паук вопросительно посмотрел на меня.

— Про эти убийства мне ничего не известно. Они произошли слишком давно, в то время я еще... — Я замаялась.

— Были под следствием? — подсказал главный дознаватель.

Я хмуро посмотрела на него.

— Ждала казни.

Паук нахмурился. Молчание, неприятное и тягостное, как воспоминания, повисло в комнате. Я пробежалась взглядом по титулам папок, не решаясь выбрать следующую. Наконец взгляд уцепился за знакомое имя, и я с некоторым облегчением отложила дело на дальний край стола.

— Почему нет? — спросил главный дознаватель. — Молодая женщина и менталист, совершивший преднамеренное убийство. На первый взгляд все сходится.

— Нет. Я уверена.

— Даже не заглянете внутрь?

Я устало покачала головой. Содержимое дела было мне известно во всех подробностях, большинство из которых я предпочла бы не знать.

— Мужчина в возрасте, вдовец, оставшийся один с маленьким сыном, женился второй раз на молодой девице. Ка-

залось бы, обыкновенная история, каких немало, только вот финал у нее вышел особенно трагичным, — тихо проговорила я. — Некоторое время спустя лорд умер, после чего все его состояние и опека над ребенком перешли к новой супруге. Каким-то образом она узнала о том, что мальчик, возможно, обладал даром. И мачеха отыскала к ребенку... особый подход. Семь лет, пока ему не исполнилось семнадцать, он провел в сыром подвале семейного особняка, ежедневно выдерживая побои и издевательства, а позже и кое-что похуже. Вдове казалось, что за столь долгое время она уже успела сломать пасынка. И, наверное, рано или поздно это случилось бы, не приведи она в дом второго мальчика, десятилетнего сироту, якобы усыновленного сердобольной женщиной. Увидев ребенка, которому была уготована та же судьба, старший не смог сдержаться. И дар менталиста, прежде дремавший в нем, пробудился. Он вынудил мачеху отпустить себя и мальчика, но не рассчитал силы. Ментальное воздействие оказалось настолько травмирующим, что женщина умерла, едва успев отпереть замок.

Я замолчала, переводя дыхание. Паук тоже не проронил ни слова.

— В отделе магического контроля Веньятты юного менталиста сочли неопасным, а причину, толкнувшую его на убийство, недостаточно серьезной для показательной казни на ратушной площади. Так он попал в исследовательский центр Бьянкини. Некоторое время мы обучались вместе, а два года

назад его затребовали в Фиоренну. Сейчас он консультирует там главного дознавателя по вопросам, связанным с ментальной магией. Вы, вероятно, должны были встречаться.

Паук хмыкнул, больше никак не прокомментировав мою историю.

Я потянулась за следующим делом. Шесть лет назад охранник застрелил знатную леди, а после покончил с собой. Запястье убийцы было обожжено. Это явно свидетельствовало о нарушении условий магического контракта на ношение энергетического оружия — использовать его против членов семьи нанимателя было одним из основных строжайших запретов. Кроме того, законники обнаружили на обоих остаточные следы ментальной энергии, но большее считать с уже остывших тел было невозможно.

Повертев папку в руках, я с некоторым сомнением отложила ее к делу о вдове и пасынке-менталисте. В конце концов, если верить Пауку, дел с применением энергетического оружия больше не было. Немного подумав, я добавила в дальнюю стопку еще и дело девушки, которую менталист — предположительно отвергнутый любовник — столкнул с крыши. Паук наблюдал за моими действиями с молчаливым безразличием.

— Посмотрите вот это. — Главный дознаватель указал на новое дело. — Случай трехлетней давности. Жертва зарезана в переулке, менталист пойман, проверен и признан виновным.

В этой папке бумаги пребывали в относительном порядке: заключения, отчеты, даже несколько изображений, касающихся деталей преступления. Не оставалось сомнений, что расследованием занимались, и занимались плотно. Приглядевшись, я различила на одном из документов знакомую подпись. Младший дознаватель Стефано Пацци. Что ж, в таком случае не стоило удивляться аккуратности, с которой были собраны документы.

Я вытащила из стопки плотный светлый лист. Рисунок, сделанный на месте преступления самим Стефано, изображал молодую женщину, лежавшую на мостовой. Голова была повернута в сторону, а ладони сложены на груди, словно прикрывая рану. В уголке рта запеклась черная капля крови: клинок пробил легкое.

Оружия на месте убийства не нашли, но в папку вместе с рисунком девушки была вложена схематическая картина раны. Тонкий узкий разрез, похожий на след от стилета.

Резкий, сильный удар, пронзивший грудь навывлет. Девушка отшатнулась, когда убийца схватил ее за руку, попыталась вырваться за мгновение до того, как ее разум подчинился исходившему от нападающего ментальному приказу. И менталист испугался. Дернул жертву на себя, одновременно выбрасывая вперед руку с зажатым для удара оружием. Клинок вошел в тело по самую рукоять.

Я вздрогнула.

— Что-то вспомнили? — живо поинтересовался Паук, по-

даваясь ближе.

Детали этой встречи пронеслись перед моим внутренним взором. В то время я еще не завершила обучение у старого мастера-циндрийца, и ментальный дар не поддавался контролю с той же легкостью, как сейчас. Оттого внезапный контакт с осужденным за убийство оказался подобен штормовой волне, в одночасье накрывшей меня с головой и чуть не утащившей на дно.

Мы столкнулись на галерее, соединявшей тюрьму и исследовательский центр. Обычно осужденных на казнь подвозили прямо к подножию острова-тюрьмы, минуя основное здание, но в тот день море штормило, и законникам пришлось воспользоваться более удобным и основательным причалом. Молодой мужчина шел, едва держась на ногах, в сопровождении по меньшей мере пяти охранников. Рубашка на нем была порвана, кое-где виднелись следы запекшейся крови, скорее всего принадлежавшей не ему. Мужчина невидящим, больным взглядом смотрел перед собой и что-то беззвучно шептал окровавленными губами.

Мост между островами был узким, и нам с Бьерри пришлось вернуться в крепость, чтобы пропустить заключенного и его конвоиров. Но в тот краткий миг, пока старый законник договаривался со старшим охранником, наши взгляды встретились. И этого оказалось достаточно, чтобы мой разум раскрылся навстречу, устанавливая ментальную связь.

Меня захлестнули чужие воспоминания. Я сбилась с ша-

га, и Бьерри, тогда еще не так долго работавший со мной, еле успел перебороть страх перед ментальной магией и подхватить меня под локоть, не давая упасть. В голове эхом отдавался неслышимый мысленный крик убийцы. Картинка, бесконечно повторявшаяся, застыла перед глазами: клинок входит в грудь точно между ребрами, пальцы, враз ослабев, разжимаются, перепачканные в чужой крови, клинок входит в грудь...

Я мельком бросила взгляд вниз и успела разглядеть бурые пятна на правом рукаве заключенного.

Легкое прикосновение к плечу вырвало меня из плена воспоминаний. Паук, нахмурившись, глядел мне в глаза. Я невольно дернулась, и главный дознаватель убрал руку.

— Вряд ли я смогу многое добавить к тому, что уже лежит в папке. — Я пролистала бумаги, заставляя себя вернуться в реальность. — Я видела лишь разрозненные картинки: момент убийства, темную улицу. Менталист долго простоял без движения в узком проулке, и я совершенно не ощущала его беспокойства или напряжения. Слово бы он не понимал, чего именно ожидал. Но, стоило ему увидеть ту леди...

— Леди Летиция Люччи, — подсказал Паук. — Она была неплохим артефактором и единственной наследницей одного из старших, безмерно уважаемых и бесконечно почтенных семейств блистательной Веньятты.

В словах главного дознавателя чувствовалась едкая насмешка. Я подавила раздражение, вспыхнувшее от того,

сколь спокойно и цинично Паук рассуждал об убийстве ни в чем не повинной девушки.

— Летиция. — Мой голос звучал ровно. — Он увидел ее, и нечто, ему самому неизвестное, толкнуло его вперед, наперерез незнакомке. Он схватил леди Летицию за руку, потянул на себя и ударил клинком, одновременно отдавая ментальный приказ. Вот, смотрите...

Я начала было выстраивать энергетическую реплику, но главный дознаватель оборвал меня нетерпеливым жестом. Резко поднявшись, он подошел к окнам и по очереди задернул плотные шторы. Яркий дневной свет сменился таинственным, почти интимным полумраком. Паук принес к столу подсвечник, но не спешил зажигать огни.

— Приступайте, — кивнул он.

Тонкими энергетическими нитями я обозначила в воздухе сцену убийства. Ночная Веньятта, темный переулок, далекие огни. Одинокaя девушка, опасно застывшая у стены, и появившийся из ниоткуда убийца с клинком. Все это отдаленно напоминало случившееся совсем недавно с леди Элией Манорро и Спиро Дьячелли. Даже стилет, казалось, был похожим.

Память сохранила не слишком много ярких фрагментов: рукав с пятнами крови, расшитый лиф платья, плотно охватывавший высокую грудь, расширившиеся глаза девушки, тяжесть клинка. Мой контакт с осужденным менталистом был слишком коротким. Стоило ему пересечь границу кре-

пости, оборудованной защитными артефактами, как связь ослабла, став едва ощутимой, и видение пропало. Уже после, когда я рассказала об этом Стефано Пацци, он сухо сообщил, что менталиста казнили в тот же день еще до моего возвращения в тюремную камеру.

Паук вошел внутрь энергетической реплики. Серебристые нити расступались и смыкались за его спиной. Бросив на меня короткий взгляд и дождавшись ответного кивка, он вынул из рук менталиста клинок, покачал на ладони. Я подпитывала иллюзию, позволяя главному дознавателю манипулировать ею за счет собственной магии и движений рук.

— Как выглядело оружие, которое использовал Дьячелли? — спросил он.

Я создала в воздухе образ второго клинка, куда более подробный и четкий, и подтолкнула его в сторону Паука. С минуту он вглядывался в обе энергетические реплики, пристально рассмотрел украшенные кристаллом навершия, обхватил призрачные рукояти, проверяя, как оружие лежит в руке, и совершил несколько ложных выпадов.

— Скорее всего, стилет действительно может оказаться одним и тем же, — кивнув самому себе, заключил он. — И я бы исключил кузнецов Ниаретта. Слишком вычурная ковка. Ромилия или Аллегранца, причем мастер работает под заказ на кого-то из старших семей артефакторов.

Взяв из ящика стола чистый лист, главный дознаватель написал несколько слов. Приложив реплики клинков к бумаге,

он магически выжег четкие контуры оружия. Добавив пояснения, Паук размашисто подписался и убрал лист обратно в стол. В таком виде магический отпечаток можно было использовать как доказательство, засвидетельствованное представителем закона.

Вся процедура была проделана Пауком с легкостью, выдававшей немалый опыт. Стефано, куда более слабый маг, обычно возился с этим гораздо дольше.

— Продолжим, — коротко бросил главный дознаватель, стирая реплику и взмахом руки поджигая свечи.

Он пододвинул ко мне следующее дело. Леди Селию задушили цепочкой во время городских гуляний. Убийце с лицом, спрятанным под маской, удалось скрыться в толпе, но вложенная в дело помятая бумага с заключением судебного лекаря свидетельствовала, что всего через три дня в одну из больниц был доставлен молодой мужчина, умерший от кровоизлияния в мозг. Прибывший законник обнаружил следы ментальной магии и сличил их с теми, что были найдены у леди Селии. Они совпадали.

Я отложила папку в сторону.

— Вряд ли это дело рук нашего менталиста. Здесь леди была задушена, а предполагаемый убийца закалывает своих жертв, — ответила я на невысказанный вопрос, застывший в глазах главного дознавателя.

— Или топит. — Он жестом указал на лежащее в стороне пухлое дело, которое вел Пацци.

Я кивнула, соглашаясь.

— Впрочем, — задумчиво произнес Паук, не спеша приступить к следующей папке, — может, есть и другое дело, где менталист стал жертвой?

Я нахмурилась, не вполне еще понимая, к чему он клонит, но все внутри уже замерло от осознания, что этот разговор не приведет ни к чему хорошему.

— Кого вы имеете в виду?

— Вас, — коротко сказал он.

Слова Паука застали меня врасплох — словно удар, разом выбивший из легких весь воздух. Я осознала: главный дознаватель смотрел бумаги. Он знает подробности моего дела. Щеки опалило жаром, сердце забилось чаще. Я нервно переплела пальцы, стиснула до глухой боли.

— Мое дело не имеет к этим убийствам никакого отношения, — твердо произнесла я, но на последнем слове голос предательски дрогнул.

— Отчего же тогда для вас так важно отыскать этого менталиста? Вы так заботитесь о безопасности родного города? Искренне сочувствуете родственникам убитых? Или пытаетесь проявить запоздалое благородство? — Паук наклонился ко мне. — Не верю. Для вас это личное. У вас должен быть личный мотив, личная причина... Так отчего же вы упрямо утверждаете, что ваш случай выбивается из общей схемы?

— Я точно знаю, что на меня никто не воздействовал.

Бровь Паука насмешливо изогнулась.

— То есть вы убили по собственной воле?

Я посмотрела ему прямо в глаза и ответила ровно, без запинки:

— Да.

Мне казалось, он должен был отшатнуться. Обладающая ментальной магией преступница, признавшаяся в самом тяжком проступке, должна была вызвать его презрение. Но Паук не шелохнулся. Так и смотрел, не отводя взгляда, почти не мигая, как будто пытался найти еще что-то, скрытое глубоко за коротким «да». Как будто ему было не все равно.

Я сильнее сжала пальцы, сосредоточившись на том, как немеют от боли руки. Глупая, бессмысленная надежда. Сколько раз я уже поддавалась ей, сколько раз отчаянно пыталась верить в лучшее, только чтобы день за днем просыпаться всеми забытой в тех же сырых стенах тюрьмы Бьянкини.

Я торопливо притянула к себе папку с делом, которое расследовал Стефано Пацци. Паук молчал, не препятствуя. В его взгляде, казалось, застыла тень разочарования.

«Леди Бригитта Ареццо, подвергнута ментальному воздействию, утоплена. Убийца — Милано Талли. Наличие ментального следа установлено, подтверждено соответствие следу на теле леди Б. Ареццо. Взят под следствие... казнен», — гласило заключение на титульном листе дела. Поверх ровных строк архивариуса были сделаны аккуратные пометки: знак вопроса напротив слова «убийца» и подчерк-

нутый «ментальный след». Без сомнения, в этом чувствовала рука младшего дознавателя.

Перебрав бумаги, я с удивлением отметила среди знакомых мне заключений и моих реплик, заверенных подписью Стефано, несколько новых документов. Выходит, младший дознаватель продолжил заниматься этим делом и собирать материалы даже после того, как я воссоздала для него картину убийства. Что-то искал, опрашивал свидетелей — и внезапно исчез, так и не доведя расследование до конца.

Повинуясь странному предчувствию, я вынула из папки с делом Летиции Люччи бумаги, подписанные Стефано. Так и оказалось: дата, стоявшая под подписью, явно свидетельствовала, что заключения были сделаны через несколько дней после того, как я в последний раз видела молодого законника.

Паук забрал у меня листы.

— Последний раз, когда младший дознаватель Пацци заходил ко мне, был примерно в конце весны, — проговорила я. — Эти документы и некоторые другие из дела леди Бригитты Ареццо датированы началом лета. Он вел это дело, а после...

— Перевелся, — хмуро подсказал Паук, и я замолкла.

Он повертел листы в руках, словно раздумывая, в какую из двух копившихся на столе стопок их положить.

— Что вы делали в вашу последнюю встречу? — нарушил тишину вопрос Паука.

— Стефано показал мне несколько документов, где описывались подробности дела. А после привел заключенного лодочника, по памяти которого я сделала энергетическую реплику момента убийства.

— Сможете восстановить ее?

— Попробую.

Я сосредоточилась на воспоминаниях.

Свечи вновь погасли. Вокруг нас выросла серебристая пристань одного из многочисленных пригородов Веньятты, объединявшего несколько близко расположенных островков. Смутными тенями вокруг проходили люди — безымянные, безликие прохожие, занятые повседневными делами.

Он ожидал ее. Перехватил, когда она договаривалась о небольшой морской прогулке в Веньятту, стиснул в широких ладонях ее тоненькие пальчики. И она, вздрогнув, пошла за ним. У воды чуть покачивалась лодка — обычная, не черная остроносая красавица со знаками гильдии. Убийца был рядовым лодочником, работавшим с мелкими грузами и горожанами из пригородов.

Впрочем, и таким изредка случалось перевозить благородных лордов и леди. Оттого-то в тот день почти никто не обратил внимания на богато одетую девушку и небольшое суденышко, одно из десятков таких же, выстроившихся вдоль пристани.

Паук подошел к призрачной женщине, сидевшей на скамейке под раскидистым платаном, чье лицо было прорисо-

вано чуть лучше других. Рядом с ней играл смутно различимый ребенок. Поймававпросительный взгляд, я пояснила:

— Госпожа Беата, гувернантка. — Главный дознаватель перелистал бумаги, отыскивая нужные страницы. — Стефано нашел ее и записал показания. Она знала леди Бригитту. Поведение девушки показалось ей странным, но она предпочла не вмешиваться.

Главный дознаватель медленно обошел иллюзорную пристань, вычисляя среди толпы тех, кто мог заметить, как девушка садилась в лодку, и проглядывал их показания, приложенные к делу. Но ни один из листов не содержал главного: по словам очевидцев, никто, кроме леди Бригитты, не подходил к лодочнику. Никто не касался его. Таинственный менталист, чей след я столь явно ощущала за действиями невольного убийцы, ухитрился избежать ненужного внимания.

— Дальше, — попросил Паук.

Послушная моим пальцам картинка изменилась. Под нашими ногами разлилась водная гладь, доходившая почти до колен. Густая трава росла у отмели. Лодочка мерно покачивалась в такт движениям гребца. Сидевшая на низкой скамеечке Бригитта невидящим взглядом смотрела куда-то вдаль, на губах ее блуждала глупая улыбка.

Светящиеся линии дрогнули: лодочник подался вперед. Схватил леди за руку, и между переплетенными пальцами вновь заструилась энергия ментального приказа. Даже сей-

час, спустя три года, я помнила его силу, его беспокойный призыв.

— Выпрыгни, — хрипло произнесла я. — Он отдал ей ментальный приказ: «Выпрыгни».

Девушка подчинилась. Неловко поднявшись на ноги, она перевалилась за борт лодки. Менталист вылез следом. Его высокие сапоги коснулись иллюзорного дна, взметнув светящиеся крупинки песка.

Руки убийцы сомкнулись на тонкой шее. Голова девушки погрузилась под воду.

Всякий раз, когда я сталкивалась с таким применением ментальной магии, я все сильнее и сильнее убеждалась в правоте тех, кто решил держать ее под запретом. Ибо в ней была сокрыта сила настолько огромная, что даже простые, базовые инстинкты выживания легко подавлялись умелым менталистом. Я видела скрытое под водой лицо Бригитты, тихое и безмятежное. Она умирала, задыхалась, но даже не пыталась сопротивляться. И это было по-настоящему страшно.

По телу девушки прошла судорога. Последние пузырьки воздуха вырвались сквозь приоткрытые губы. Бригитта дернулась, раз, другой — и затихла. Менталист разжал пальцы. Тело девушки покачивалось на волнах, ее волосы развевались, словно причудливые темные водоросли.

Менталист отвел взгляд от жертвы. Забравшись обратно в лодку, он сел на весла и медленно погреб прочь. Берег, за-

росший травой, постепенно удалялся, растворяясь за водной гладью.

— Странно, — проговорил Паук.

Видение замерло.

— Что?

— Странно, — повторил Паук. — Для чего нужно было плыть к мелководью? Достаточно было четкого ментального приказа, и она утопилась бы сама. Выпрыгнула бы на середине залива, тело бы вынесло в море, и останки обнаружили бы не раньше, чем через пару месяцев, когда от магического воздействия не осталось бы и следа. Если только... — Глаза главного дознавателя вспыхнули азартом. — Покажи-ка остров.

Списав промелькнувшее фривольное обращение на проявление интереса к поиску менталиста, я послушно изменила картинку, выстроив вокруг господина дознавателя тонкую линию отмели и заросший берег. Паук перевел взгляд с энергетической реплики на бумаги в его руках.

— Это не то место, где нашли тело.

— Нет, — подтвердила я. — За день его отнесло несколько дальше по отмели.

Я указала на смутно различимую рощу кривоватых деревьев. Менталист, чью память мне удалось считать, не особенно интересовался окрестностями, и поэтому окружающая картинка была нечеткой.

— Нет, — в свою очередь произнес Паук. — Если верить

рисунку, тело леди Ареццо отплыло намного дальше. Смотри. — Он повернул ко мне лист. — Здесь та же отмель, но деревьев значительно больше. И густая трава у берега.

— Течение, — начала я, но главный дознаватель только фыркнул:

— Не слишком ли большое расстояние для течения?

Я задумалась.

— Кто-то трогал тело, — сказал Паук. — Трогал уже после того, как менталист отплыл от острова, и несколько переместил его. Это объясняет, почему лодка поплыла именно к мелководью. Кому-то нужно было, чтобы тело не исчезло бесследно после убийства.

— Наш второй менталист?

Паук медленно кивнул.

Вместе мы отсмотрели мгновение за мгновением, как скрывался вдали остров с утопленной девушкой, но второй менталист так и не появился из-за густого кустарника. Возможно, в тот момент его не было на острове, но верилось в это слабо. Мне показалось, что в высокой траве я различила нос вытащенной на берег лодки, но, как я ни приближала картинку, разобрать детали было трудно.

— Может, он был на пристани? — предположил Паук. — Проверял, удалось ли лодочнику заманить нужную жертву.

Мы снова оказались в иллюзорном городе. Главный дознаватель еще раз тщательно изучил призрачные образы всех, кого успел выхватить взгляд будущего убийцы, но не

нашел никого, похожего на воссозданное мной по силуэту описание менталиста. Человек, воздействовавший на Спиро Дьячелли, не появлялся в день убийства леди Бригитты на площади перед пристанью.

Когда я потушила последнюю светящуюся линию, а Паук подошел к окну, чтобы наконец раздвинуть шторы, оказалось, что уже вечер. Что ж, это объясняло, отчего я чувствовала себя настолько усталой и истощенной: непрерывное поддержание энергетической реплики, пригодной для посторонних манипуляций, требовало куда больше сил, чем создание артефактов, привычное, до мелочей отработанное дело.

Убрав папки, разделенные на две неравные стопки, в стол, главный дознаватель кивнул в сторону двери, давая понять, что наша работа на сегодня окончена. Возвращение в Бьянкини вызвало смутную радость. По крайней мере, скоро я вернусь к размеренной жизни, и можно будет держаться подальше от Паука с чувством выполненного долга, зная, что главный дознаватель Веньятты действительно взялся за дело менталиста-убийцы.

Ледяной ветер налетел на нас сразу же, как только мы вышли за порог архива, — дурной южный ветер с моря, всегда приносивший с собой шторм и затяжную непогоду. По узкому каналу бежала мутная пенная рябь. Небольшая площадь опустела, лавки закрылись, один лишь уличный кот недобро сверкал глазами с решетки водостока. После целого дня, проведенного в душном помещении без еды и питья,

от свежего воздуха закружилась голова. Слабость нахлынула внезапно, нога соскользнула со ступеньки, но пальцы Паука крепко сомкнулись на моем предплечье, не позволив упасть.

— Осторожнее, — хрипло произнес он.

У пустой пристани дождался тот же чинторьерро, что привез нас утром. Он зябко ежился, высоко подняв воротник плаща в попытках защитить от ветра порозовевшие нос и щеки. Одинокая остроносая лодочка раскачивалась на беспокойной воде, будто пыталась сорваться с привязи и уплыть на свободу.

Увидев нас, чинторьерро нахмурился. Я заметила, как он крепко стиснул торонн и чуть шире расставил ноги, словно собирался бороться со стихией, куда более сильной, чем волны и ветер.

— Лорд Эркьяни, — отрывисто произнес он, стоило нам приблизиться, — погода испортилась. В Бьянкини уже не вернуться, выход через Северные ворота закрыли сразу после полудня. Путь откроют только к утру. Возможно... — Чинторьерро окинул взглядом низкие тучи, затянувшие небо, и пробурчал упрямо, не скрывая глухого недовольства: — Я говорил: вечером будет шторм. — Затем он посмотрел на меня, стискивавшую под горлом края плаща, и в его взгляде промелькнуло что-то вроде сочувствия. — Сожалею, но выход в залив невозможен.

Я тоскливо оглянулась на белеющее в полумраке здание судебного архива. Мне живо представился холодный подвал

ниже уровня воды, кишаший крысами, с плесенью по углам. В яркой, праздничной Веньятте, какой она виделась из дворцовых окон лорду Бальдасарре Астерио, не было места для бродяг, нищих и заключенных. И если вернуться в Бьянкини из-за непогоды было невозможно...

Главный дознаватель проследил за направлением моего взгляда.

— Что ж, — произнес он совершенно будничным тоном, — мой дом недалеко. Значит, эту ночь мы проведем вместе.

ГЛАВА 6

Дом главного дознавателя, трехэтажный, аккуратный, с белоснежной отделкой окон, располагался чуть в стороне от основных улиц Веньятты с их роскошными дворцами, укрытыми от высокой воды и глаз горожан непроницаемыми оградами. Новые острова, обжитые несколько десятков лет назад, отличались широкими улицами и уютными внутренними дворами, где жители высаживали деревья и кустарники, создавая для себя столь редкие в Веньятте зеленые уголки. Спокойное, тихое место, надежно защищенное от непогоды.

Пока главный дознаватель возился с магическим замком на неприметной входной двери, я позволила себе отступить в сторону, любуясь разбитым под окнами первого этажа маленьким розовым садом. Сладковатый аромат едва распустившихся бутонов смешивался с запахом моря и ночной прохладой. Пальцами, затянутыми в плотные перчатки, я скользнула по нежным лепесткам, вспоминая, какими они были на ощупь тогда, когда прикосновения еще не стали недопустимыми.

Все что угодно, лишь бы не замечать того беспокойства, которое породили слова главного дознавателя. «Эту ночь мы проведем вместе». Он не мог, не должен был иметь в виду ничего... такого. Но слова коменданта, туманные намеки

иренийца, полный жалости взгляд, украдкой брошенный на меня чинторьерро, — все это поднимало внутри волну леденящего страха.

Разумеется, я знала, что бывает с женщинами-заключенными, которых не защищали суеверия и страх перед ментальной магией. Слышала их крики, приглушенные тюремными стенами, грубые окрики и смех охранников или законников — иногда одного, а иногда и нескольких. Никто не протестовал, никто не вступался. За решетками тюрьмы Бьянкини можно было позволить себе все что угодно.

Но хуже всего было другое — я чувствовала. Беспомощность, страх и отчаяние жертвы бывали так сильны, что я не могла не улавливать их отголосков, беззвучная мелодия которых эхом отдавалась в моей голове громче полных боли криков. И я, слишком чувствительная, слишком открытая любому ментальному контакту, невольно разделяла с ними каждую секунду вынужденной близости. Разделяла — и, сжавшись в комок на жесткой кровати, прикусывала губу до крови, чтобы не взвыть от собственного бессилия.

Наклонившись к цветку, я полной грудью вдохнула его запах, отчаянно цепляясь за ускользающие воспоминания, наполненные теплом и светом. Не так ли пахла безмятежность — розами и соленой водой, когда мы с Дари, моей любимой младшей сестренкой, устроили пикник в тени старой башни на одном из маленьких островков Веньятты. Цветущие кусты надежно скрывали нас от посторонних взглядов, и мы,

растянувшись на цветастом плеле, ели нагретый солнцем виноград, взрывавшийся во рту сладким соком...

Детство, спокойное, тихое, беззаботное детство, когда жизнь казалась простой и понятной, а будущее — брак с Аурелио Меньяри, переезд в Ромилию, рождение наследника и прочие заботы первой леди земель — не таило в себе сюрпризов. Ни ментальной магии, ни тюрьмы, ни серийных убийц, ни главного дознавателя с его черной энергией и странными, туманными намеками.

— Да, это не то, к чему вы привыкли. — Голос Паука вернул меня в настоящее.

Я подняла голову, встретившись с ним взглядом. Главный дознаватель стоял на пороге дома и пристально наблюдал за мной. Он был мрачен: губы сжаты в тонкую линию, брови сведены. Я почувствовала исходящее от него раздражение.

— Мой дом мало напоминает дворец с видом на Большой канал, достойный наследницы старейшего рода Веньятты. Но должен вас разочаровать — дворца не будет. Поэтому не стоит так наглядно демонстрировать, насколько простое жилище недостойно вас.

Ощутимая неприязнь, сквозившая в его голосе, задела меня. С языка чуть не сорвался едкий ответ, что в последние годы мне стала куда привычнее крошечная холодная камера с маленьким окном, куда лишь изредка заглядывало солнце, но я сдержалась.

— Извините, господин главный дознаватель. Я задержа-

лась, чтобы посмотреть на цветы, — спокойно произнесла я и зачем-то добавила: — Мне нравится это место. У него особая атмосфера. Всего в нескольких улицах отсюда волнуется и шумит старая Веньятта, рокочут волны Большого канала и южный ветер назло городским фонащикам задувает огни в светильниках, а здесь... — я обвела рукой тихий благоухающий внутренний дворик, — здесь словно бы идет совсем другая жизнь. Простая. Тихая. Спокойная.

Я медленно поднялась по ступенькам и, чуть обернувшись к Пауку, показала на светлый силуэт старой сторожевой башни, возвышавшейся над красными черепичными крышами.

— Мы с сестрой иногда бывали здесь в детстве, еще до того, как остров полностью застроили и соединили с Веньяттой. У старого моста — сейчас его облицевали белым камнем — держали замечательную пекарню, где выпекали самые вкусные булочки из всех, что я когда-либо ела. А на крыше дома напротив была небольшая терраса, где каждый день с утра до вечера сидела пожилая вдова, как и полагается, вся в черном. Почтенная женщина приходилась матерью зеленщику, лавка которого находилась на первом этаже, и он устроил для старушки маленький сад. — Я чуть улыбнулась, вспоминая темную фигуру под кружевным зонтиком, застывшую среди кадок с розмарином, базиликом и листьями салата, величественную, словно первая леди. С нашего излюбленного места у розовых кустов было отлично видно, как она сидела в кресле, подставляя изрезанное морщинами лицо ласковому

летнему солнцу. — Мне кажется, у нее был очень достойный сын. Должно быть, она им гордилась.

Я обвела взглядом маленький уютный дворик, черепичные крыши и высокие крылечки. В воздухе витал нежный запах роз. Через арку, ведущую к каналу, слышался приглушенный плеск воды и крики чаек. Я любила этот город именно таким: умиротворенным, притихшим после дневной суеты, исполненным какой-то невероятной неги, от которой сладко щемило сердце.

— Вы видите только одну сторону Веньятты — парадную. Ее вы называли городом лжецов, городом подлых торговцев в дорогих одеждах. Но Веньятта — это не только надменные лорды и богатые дворцы, скрывающие за ярким фасадом грязь, нищету и мрак, словно безобразное лицо под карнавальной маской. Веньятта — это еще и тихая жизнь простых людей, которые, может быть, любят розы или радуются солнцу. Ваша неприязнь мешает вам увидеть все краски города — его настоящие цвета, его истинный облик. Его душу.

Я осеклась, почувствовав взгляд Паука. Он смотрел на меня с каким-то странным выражением лица, и я поспешила пройти в дом, чтобы скрыть смущение, вспыхнувшее в душе от моего внезапного порыва откровенности и последовавшего пристального внимания главного дознавателя.

Щелчок пальцев — и в небольшой прихожей вспыхнули масляные светильники. Для наследника рода Эркьяни главный дознаватель действительно выбрал себе довольно скромное жилье. Узкий коридор заканчивался крутой внутренней лестницей, уводящей на верхние этажи дома, слева от входа темнел дверной проем, ведущий, по всей видимости, в столовую или гостиную. Пристроив плащ на вешалку у двери рядом со стойкой для зонтов, Паук, не говоря ни слова, прошел внутрь.

Я растерянно застыла у стены. Хотел ли главный дознаватель, чтобы я последовала за ним? Или же разумнее было оставаться здесь, дожидаясь его возвращения, вероятно, с наручниками? Как поступали с заключенными те законники, которым не удавалось вернуть своих подотчетных на ночь в тюрьму, я не знала.

В боковых комнатах зажегся свет. Из глубины дома донеслись странные, чуть приглушенные расстоянием звуки. Что-то звенело, стучало и хлопало, заставляя меня нервно стискивать ткань платья и сильнее вжиматься в стену.

— Я отпустил помощницу по хозяйству на ночь, — слышался из глубины дома глухой голос Паука. Он ненадолго показался в дверном проеме и окинул меня с головы до

ног быстрым взглядом. — Но это платье, насколько я понимаю, горничной не требует.

Я кивнула. Внутри тугой спиралью свернулся страх.

Он нарушал правила. Главный дознаватель успел снять форменный китель и небрежно закатать до локтей рукава белоснежной рубашки, обнажая руки. Верхние пуговицы были расстегнуты, и взгляд почти против воли скользнул по широкой груди Паука, где на цепочке покачивался сделанный мной артефакт.

Мне показалось, он это заметил. Я поспешила отвернуться, чувствуя, как к щекам приливает кровь.

— Ужин готов, — коротко бросил он и вновь скрылся в гостиной. На этот раз я решила пойти следом.

Посреди небольшой, уютно обставленной комнаты был сервирован стол на две персоны. Корзинка с хлебом, накрытая расшитым полотенцем, ровный ряд одинаковых баночек со специями, пузатый кувшин оливкового масла, бутылка вина. Два стула с высокими спинками были расставлены друг напротив друга, и возле каждого на столе стояло накрытое серебряной крышкой блюдо.

Вероятно, помощница, работавшая в доме главного дознавателя, оставила для него поздний ужин. По крайней мере, мне хотелось так думать, даже несмотря на то что тарелок было две, потому как представить себе Паука, занимавшегося сервировкой стола, да еще и подготовившего для меня отдельную порцию, было... слишком странно. Это слишком

не вписывалось в образ холодного законника, аристократа из старейшего семейства, который я нарисовала в своей голове.

Я подождала, пока главный дознаватель сядет, и заняла второе место. Увидев на серебряной крышке встроенный кристалл, отвечавший за подогрев блюда, я потянулась было активировать его, решив, что главный дознаватель хочет, чтобы я заменила довольно рано отпущенную помощницу по хозяйству, но Паук опередил меня. Перегнувшись через стол, одним резким движением он успел накрыть крышку ладонью, и я поспешно отдернула руку. Пусть я и была в перчатках, вид смуглой, неосмотрительно обнаженной в присутствии менталиста кожи приводил меня в смятение и заставлял почти интуитивно быть особенно осторожной.

Здесь, в пустом доме, где не было, подобно тюрьме или исследовательскому центру Бьянкини, специальной защиты, я совершенно не понимала, как Паук мог оставаться настолько беспечным, настолько спокойным рядом с преступницей, осужденной за использование ментальной магии. Мне ничего не стоило незаметно стянуть перчатку, а после накрыть его руку ладонью, сжать сильные длинные пальцы, посылая мысленный приказ. Я могла подойти к нему сзади, пока он возился с приборами, прикоснуться к обнаженной шее над воротничком-стойкой. Или остановить его тогда, на пороге гостиной, скользнуть пальцами за отворот расстегнутой рубашки...

«Отступись. Отпусти. Помоги мне».

Стиснув зубы, я сцепила в замок пальцы сложенных на коленях рук. Мысли, предательские, искушающие, не давали покоя. Мне хотелось бежать. Мне хотелось прикоснуться к Пауку, последовать зову магии...

Черная энергия сорвалась с рук главного дознавателя, активируя кристалл, и под серебряной крышкой прокатилась волна жара. Выждав несколько секунд, Паук открыл блюдо и опустил обратно на свое место.

От запаха пряного риса и морепродуктов после целого дня без еды аппетит, вопреки всем переживаниям, разыгрался не на шутку. Темные мидии, сиреневые осьминоги размером с мелкую монетку, нежно-белые кольца кальмаров и кусочки рыбного филе щедро наполняли тарелку, увенчанную веточкой свежего базилика. Это было куда лучше бурой каши, которой кормили в тюрьме, и даже сейчас, когда со сменой главного дознавателя рацион заключенных стал более разнообразен, никто из нас даже не помышлял о такой роскоши. За восемь лет я, кажется, уже отвыкла от привычных для первых семей блюд.

Некоторое время мы ели в молчании.

— Что-то не сходится, — внезапно произнес главный дознаватель, откладывая приборы в сторону. — Не складывается в цельную картину. Три случая восемь лет назад, через пять лет — еще три и теперь снова... Я все больше склоняюсь к выводу, что убийца не уроженец Веньятты. Иначе зачем было так долго выжидать? И, главное, чего?

— Два, — поправила я. — Два убийства восемь лет назад.

— Одна жертва выжила. — Поймав мой непонимающий взгляд, он уточнил: — Ты.

Этого следовало ожидать — я сразу поняла, что там, в архиве, Паук не удовлетворился моим ответом.

— Господин главный дознаватель, я же сказала, что мой... случай не имеет отношения к делу.

— Я услышал. Но одна из девушек была задушена. И ты... тебя...

Я стиснула зубы.

— Я не жертва, господин главный дознаватель. Я преступница, которую суд признал виновной в совершенном убийстве и определил отбывать наказание в исследовательском центре Бьянкини.

— Действительно, — хмыкнул Паук. — Было бы невероятно расточительно со стороны отдела магического контроля упустить такую возможность получить бесплатный источник артефактов. Уверен, судье не пришлось особенно напрягаться, решая твою судьбу. Первая леди земель Веньятты сама плывет в жадные руки. Как тут откажешься?

Я покачала головой.

— Что? — Паук подался ближе, наклонился ко мне. — Ты достаточно сообразительна, чтобы осознавать, что все это неспроста. И понимать, что те, кто должен был вступить за тебя, предпочли остаться в стороне. А вот почему? Где был гордый лорд Бальдасарре Астерио, когда его старшую дочь,

наследницу рода, осудили на пожизненное заключение?

Горло сдавило. Слова главного дознавателя, прямые и жесткие, всколыхнули внутри волну застарелой обиды. Лорд Астерио, отец... где же и вправду был он, когда я сидела в холодной и сырой камере, каждую минуту ожидая неминуемой казни?

— Семья тебя бросила. Это обидно и больно, и я прекрасно это понимаю. Но нет ничего дурного в том, чтобы попытаться самой добиться справедливости. Признай, ты же хотела, чтобы я занялся этим делом, потому что надеялась найти доказательства собственной невинности? — Он наклонился еще ближе, почти перегнулся через стол. — Ты можешь быть откровенна. Со мной. Я не отмахнусь от твоих слов, не закрою глаза на правду. Я никогда не отвернусь от тебя.

Его голос звучал вкрадчиво, а в желто-карих глазах застыло странное предвкушение. Паук словно бы ожидал от меня чего-то — доверия или, быть может, откровенности. Полагал ли он, что я должна была броситься ему на шею, разразившись слезами, и умолять о помощи, обещая сделать взамен все, что только пожелает главный дознаватель?

Я прикусила губу почти до крови. Нет уж, довольно глупых и бессмысленных надежд. Я выжила в тюрьме только потому, что поверила — прошлое не вернуть, к прошлому не вернуться.

— Вы правы, — тихо сказала я, — я хочу справедливости. Но не для себя, а для тех, кто был ложно обвинен в преступ-

лениях, совершенных под чужим влиянием. Ментальная магия не так проста, какой ее пытаются сделать те, для кого она невидима и неосязаема. И тот, кого вынудили совершить убийство, тоже жертва. Жертва, судьба которой не волнует никого. И в особенности тех, кто должен представлять в наших землях закон и справедливость.

Паук фыркнул, отмахиваясь от моих слов. Было ясно, что он ждал совсем другого ответа. Подавив волну злости, всколыхнувшуюся внутри при виде безразличия главного дознавателя к судьбам заключенных, не носивших в прошлом громкого титула и не способных отплатить за проявленную к ним доброту, я опустила взгляд на блюдо с рисом и неохотно вернулась к ужину. Со стороны Паука не раздавалось ни звука, но я кожей чувствовала на себе его пристальный тяжелый взгляд.

Над столом повисло тягостное молчание.

— Я налью вина, — наконец произнес Паук, взяв со стола бутылку речьотти, дорогого веньяттского вина оттенка спелого нежно-зеленого винограда. — Выпей со мной.

Он слегка отсалютовал мне бокалом и сделал небольшой глоток.

— Знаешь, в наших краях говорят: «Чтобы что-то понять, надо попробовать это на вкус». — Он посмотрел на меня долгим взглядом и медленно провел языком по губам. — Я давно хочу... понять... земли Веньятты. Пытаюсь... понять, но что-то мне не дается, ускользает от моего понимания. От-

тенок вкуса, какая-то тонкая нотка, без которой невозможно ощутить общую гармонию. Помоги мне... понять.

Под его пристальным взглядом я поднесла бокал к губам и отпила. Вино. Сколько же лет я не ощущала на языке его легкую, приятную кислинку.

— Так ты мне поможешь?

— Да, господин главный дознаватель. Что вам требуется? Он сделал большой глоток, глядя мне в глаза.

— Отбросим формальности. — В его голосе послышалось странное напряжение. — Зачем они сейчас?

Я нахмурилась, не понимая, чего же он хочет. Потемневший взгляд Паука заставлял меня зябко ежиться. Я медленно отставила в сторону бокал и произнесла как можно более осторожно:

— Хорошо, лорд Эркьяни.

— Лорд Эркьяни?

Паук замер. Длинные пальцы сжались на ножке бокала с такой силой, что простой, не закаленный магией хрусталь точно бы треснул. Я ощутила, как всколыхнулась черная энергия, готовая в любой момент вырваться на свободу, захлестнуть меня, почти беспомощную перед его бешеным напором.

Рвано выдохнув, я вжалась в спинку стула в отчаянной попытке спрятаться от главного дознавателя.

— Ты же поняла, о чем я, — отрывисто и хрипло бросил он. — Ты же понимаешь... Да?

Я застыла. Паук неотрывно смотрел на меня. С каждым мгновением моего промедления его лицо мрачнело, и я все острее ощущала леденящие щупальца приближающегося шторма. Внутри все сжалось нервным спазмом, к горлу подступила тошнота.

— Мы равны. Эркьяни, Астерио... Наследники первых семей, потомки древних родов, в чьей крови течет сильная магия. Все эти формальности... они лишние между нами, ведь так? Разве ты не называла сыновей лорда Меньяри по именам, как равных?

— Мы были знакомы с Аурелио и Витторио с детства... — начала я, но внезапно вспыхнувшая в голове тревожная мысль заставила меня умолкнуть на полуслове.

Паук знал меня.

Его слова, его поведение — все свидетельствовало об одном. Он прекрасно помнил леди Янитту Астерио и узнал в ту же секунду, как переступил порог рабочей комнаты в исследовательском центре Бьянкини. Я внутренне содрогнулась. Неосторожно обратившись к нему по имени — точнее, вычислив, почти угадав его принадлежность к роду Эркьяни, — я заставила Паука поверить, что тоже помню, тоже знаю его.

Но это было не так.

— Мне кажется, — как можно более осторожно произнесла я, — учитывая наше с вами положение, это не совсем приемлемо. Лорд Эркьяни, мы...

Он выпрямился столь резко, что стул за его спиной покачнулся и с грохотом опрокинулся. Через распахнутый ворот рубашки золотистой искрой сверкнул артефакт с заключенным в янтарь пауком. Главный дознаватель потянулся к нему, с силой стиснул камень в руке до побелевших костяшек пальцев. Затрещала, сминаясь, драгоценная оправа, цепочка разорвалась, тонкой змейкой соскользнув на пол. Но Паук этого даже не заметил.

— Лорд Эркьяни из Ниаретта, — почти выплюнул он. Лицо его исказилось от отвращения. — Действительно. Вы, северяне, великие Астерио, надменные и гордые, привыкли считать других ниже себя. Привыкли к всеобщему преклонению и восхищению. Привыкли думать, что вся Иллирия ниже вас.

Темная энергия взметнулась внутри него штормовой волной, но, прежде чем хоть капле удалось прорваться наружу, Паук развернулся и торопливо вышел. Заскрипели половицы.

Я сидела, опустив голову, боясь даже пошевелиться, чтобы не спровоцировать главного дознавателя неосторожным движением. Южная магия была опасна — я не забывала этого ни на секунду.

Отчего-то Паук вдруг решил вернуться. Я услышала приближавшиеся шаги, затихшие у самой двери. Не заходя в гостиную, он произнес в пустоту:

— Твоя спальня... — Главный дознаватель осекся и тут же

ехидно поправился: — О, прошу прощения, миледи, ваша. Ваши королевские покои на третьем этаже. Правая дверь. Левая — моя.

Не дожидаясь моей реакции, он ушел.

Я сидела за опустевшим столом и ковыряла вилкой в остывшем ужине. После ухода Паука есть совершенно расхотелось. Я прислушивалась к шагам наверху, ожидая, когда все затихнет и энергетический шторм, который я ощущала даже сквозь перекрытия, немного уляжется. Мне не хотелось попадаться Пауку на глаза, когда он был в таком состоянии.

Я понимала, чем была вызвана эта внезапная вспышка ярости. Похоже, главный дознаватель решил сблизиться со мной, и, если бы я действительно все еще оставалась леди Астерио, я сочла бы его желание естественным, хоть и несколько поспешным. Он мог бы искать новые торговые контракты или пытаться упрочить политическое положение Ниаретта. Как наследница лорда земель я могла бы стать для него выгодной союзницей. Вот только я давно уже не была леди Астерио.

Заклученная номер семь не имела влияния и власти. Единственное, что Паук мог получить, — красивую бесправ-

ную игрушку для постельных утех. Непристойные намеки, сквозившие в словах коменданта, и смутные невысказанные опасения Бьерри явственно дали мне это понять. Мысль о том, что новый главный дознаватель Веньятты мог оказаться одним из тех безумцев, кто любит испытывать судьбу, принуждая к близости менталиста, вызвала у меня отвращение.

Чтобы хоть чем-нибудь занять руки, я отнесла грязную посуду на небольшую кухню, примыкавшую к гостиной, и сложила в раковину. Я не имела ни малейшего понятия, что следовало делать дальше, да и хозяйничать в чужом доме казалось неправильным. Рядом со стулом главного дознавателя обнаружился упавший медальон с погнутой оправой. Возле него на полу лежала цепочка. Я подняла тускло поблескивавший артефакт и аккуратно положила на стол.

Шагов Паука больше не было слышно. Стараясь издавать как можно меньше шума, я медленно поднялась в жилую часть дома. Крутая деревянная лестница оканчивалась небольшой площадкой, на которую выходили две двери. Из-под левой пробивался тоненький лучик света. Чуть поколебавшись, я повернула ручку правой двери, отчаянно надеясь не увидеть там главного дознавателя. Но, к счастью, комната, оказавшаяся гостевой спальней, была пуста.

Небольшая, но очень уютная, она понравилась мне с первого взгляда. Здесь не было ничего лишнего: кровать, шкаф, небольшой столик с принадлежностями для умывания. За раздвинутыми портьерами угадывалась узкая остекленная

дверь, выходявшая на балкон, откуда открывался завораживающий вид на ночной канал и безлюдную набережную.

Я зажгла оставленные на прикроватном столике свечи и остатками магии подогрела воду в кувшине, чтобы ополоснуть лицо и руки. Приоткрыла балконную дверь, впуская в комнату свежий ночной воздух. Удобная высокая кровать со стопкой подушек, белевших в полумраке, манила, притягивая взгляд. Хотелось стянуть опостылевшее платье из грубой ткани, нижнюю сорочку и чулки, чтобы всем телом ощутить свежесть простыней и мягкость перин. Но я не могла. Осталось лишь зарыться лицом в подушку, вдохнуть давно забытый запах чистоты и тихо застонать от удовольствия.

За стенкой что-то глухо упало. Я вздрогнула, ожидая появления Паука, но в маленьком коридорчике, куда выходили двери обеих комнат, было тихо.

Снаружи, почти под самыми окнами, покачивались, чуть поскрипывая, привязанные лодочки. Фонари вдоль улицы на противоположной стороне узкого канала, отраженные в воде, отбрасывали на потолок комнаты желтые блики. Тишина, ничем не нарушаемая, окутывала, успокаивала.

Я пропустила момент, когда тьма, паутинкой замершая по углам спальни, нахлынула волной, погружая меня в странный беспокойный сон.

Отблески уличного света на потолке стали бликами, пляшущими на гладкой поверхности сине-голубой плитки. Под ногами разлилась вода — беспокойно плещущаяся, маняще

теплая. Тени легли на изразцовые стены растительным узором. Ароматный пар, поднимавшийся от облицованной мрамором купальни, клубился под низкими сводами.

Неведомая сила потянула меня вперед, наполнив непреодолимым желанием как можно скорее окунуться, ощутить, как тепло обнимает тело, успокаивая, расслабляя. Шпильки, торопливо вынутые из сложной прически, со звоном запрыгали по мраморному полу. Волосы тяжелой волной рассыпались по спине и плечам. Приподняв подол тонкой ночной сорочки, я наклонилась, скатывая сначала один ажурный чулок, затем другой.

Голая ступня коснулась теплой мраморной ступеньки, полускрытой водой. Я медленно опустилась в купальню, и пар с дурманящим цветочным запахом окутывал меня. Сорочка — единственное, что осталось на мне, — намочила, обрисовав изгибы тела.

Я вдохнула ароматный пар полной грудью — и вдруг замерла испуганной ланью.

Он подошел со спины — невидимый, не замеченный мною прежде. Коснулся меня, застывшей в тревожном предвкушении, скользнул пальцами от основания шеи вдоль позвоночника до самой кромки воды, до едва прикрытых тонкой тканью бедер. Легко, почти невесомо, но каждое прикосновение сладкой дрожью отдавалось в моем теле.

Он властно развернул меня к себе. Полускрытый темной дымкой сна, незнакомый и бесконечно знакомый однове-

менно, он отвел светлую прядь волос с моего лица, чуть погладив нежную кожу за ухом. Подушечкой большого пальца очертил контур моих губ. Качнулся вперед, словно хотел поцеловать.

Что-то темное, первобытно-голодное всколыхнулось внутри него, когда его взгляд опустился ниже, остановился на моей сорочке, полупрозрачной от воды, на просвечивающих сквозь тонкую ткань затвердевших сосках. И рука последовала за взглядом — по подбородку, по шее, чуть коснувшись выступающих ключиц, ворота сорочки...

— Попр-робовать на вкус-с. — Реальность мешалась со сном, хрипловатый голос отдавался внизу живота приятным спазмом, а губы...

Губы сминали влажную ткань, сжимали вишенку соска. Язык, невесомо-легкий, то обводил самый контур, едва касаясь, то нажимал, надавливал сильнее, и я не могла сдерживать рвущиеся наружу жаркие стоны.

— На вкус-с. — Укус, короткий, но чувствительный, пронзил тело сладкой вспышкой.

Непристойность происходящего, его неясность, смутность — все это толкало на самую грань, где любое прикосновение, любое движение ощущалось острее, ярче. Нас окутывал пар, очертания купальни расплывались перед глазами, и дыхание стало неглубоким, прерывистым, хриплым. Тело, казалось, плавилось от жара, рождавшегося под его ладонями.

Я разомкнула губы, подалась вперед, словно хотела выдохнуть его имя...

Он провел пальцами по моим выступающим ключицам, вдоль выреза сорочки, сжал края ворота. Не выдержав резкого, нетерпеливого рывка, ткань треснула. Сорочка распалась на две части, оставив меня совершенно раскрытой для жадного взгляда.

Уязвимой.

Прекрасной.

Его.

Тьма мешалась со светом в его голодной душе. Чувства, почти физически ощутимые и до невозможности противоречивые, сплетались в причудливый клубок, где уже невозможно было отделить одно от другого. Он жаждал поглотить меня — и вознести на самую вершину.

Тьма вспыхнула ярче, когда он подхватил меня, усаживая на край купальни, и опустился передо мной на колени, слизал капельки воды с моего живота. Когда позволил языку скользнуть еще ниже. Когда я позволила это...

Тихий стон эхом отразился от темных сводов купальни.

— Яни...

ГЛАВА 7

— Ты ничего не понимаешь! — Громкий женский крик ржавым гвоздем ввинтился в тяжелую голову. — Ты совершенно не понимаешь, что я чувствую!

Глухо застонав, я перевернулась на спину. Сон, отравленный чужим видением, слишком реальным, слишком подробным и бесстыдным, не принес желанного отдыха и облегчения. Нижняя сорочка была влажной от пота, прикосновения грубой ткани к коже, слишком чувствительной после пробуждения, вызывали неприятную дрожь, и в голову против воли лезли совершенно другие касания. Внизу живота пульсировал тугой жаркий узел, и я плотно свела ноги, чтобы унять непривычное желание, и нервно оправила смявшееся за ночь платье.

И, как назло, неизвестной паре пришло в голову бурно выяснять отношения настолько громко.

— Ты должен меня выслушать! — взвизгнула незнакомка. — После всего, что между нами было... неужели я совсем ничего для тебя не значу?

Морщась от головной боли, я неохотно поднялась с постели и, зябко поежившись, вышла на балкон. Ссорящаяся пара отыскалась сразу же — на противоположном берегу канала прямо напротив моего окна. Женщина стояла лицом ко мне, мужчина — спиной. Нас разделяло едва ли более десяти

ти метров, но незнакомка, увлеченная разговором, даже не заметила появления невольной зрительницы.

Одного взгляда хватило, чтобы понять, что оба — и женщина, и мужчина — принадлежали к первому сословию: одежда, сшитая под заказ, дорогие ткани, изысканная отделка. На маленькой шляпке, украшавшей голову леди, блестели драгоценные кристаллы, в ложбинке между грудями покоился крупный артефакт в золотой оправе. Ее темноволосый спутник был одет в куда менее броский черный сюртук с единственным ярким пятном изумрудно-зеленого шейного платка. Отчего-то его широкая спина показалась мне смутно знакомой, хотя с такого расстояния я не поручилась бы наверняка. Я инстинктивно потянулась к мужчине энергией, чтобы точно узнать, кто же он, но остановила себя. Не хотелось, чтобы пара поняла, что я за ними наблюдаю.

Женщина опустила лицо в ладони и громко зарыдала. Мужчина продолжал стоять неподвижно, сложив руки на груди. Казалось, страдания спутницы несколько его не трогали.

— За что ты так со мной? — хрипло спросила леди, уязвленная, верно, его равнодушием. — Ты же знаешь: мое сердце бьется лишь для тебя. Ты, только ты, та искра, которая делает меня живой.

Он что-то тихо ответил — я не расслышала слов, но женщина разрыдалась еще горше. Не отнимая рук от лица, она сгорбилась и рухнула коленями прямо на каменную мосто-

вую.

Я чувствовала себя зрителем в первом ряду зала на плохо поставленной пьесе. Во всем происходящем чувствовалась какая-то нарочитость, неестественность. Тон голоса женщины, пронзительно-громкий, слова, будто сошедшие со страниц дамских романчиков, картинные жесты, подчеркнутое равнодушие мужчины... они оба были точно марионетки, которых дергал за тонкие ниточки скрытый в тени кукловод.

Я огляделась по сторонам и не увидела ни одного открытого окна. Ни единой тени не промелькнуло за закрытыми ставнями. Казалось, несмотря на громкие рыдания леди, я была единственной, кого в столь ранний час привлекла эта странная пара.

Мужчина подошел к плачущей женщине и коснулся ее плеча. Она посмотрела на него с отчаянной мольбой, но тот даже не повернул головы. Я увидела, как его пальцы медленно скользнули по шелковой ткани рукава ее платья. Не проронив ни слова, незнакомец ушел. Леди и я проводили мужчину взглядами, пока тот не скрылся в глубине улицы.

Незнакомка медленно поднялась на ноги и, пошатываясь, побрела в противоположную сторону, к узкому мостику, ведущему в старую часть города. Минута — и она исчезла в одном из темных переулков большой Веньятты.

Грудь сдавило от внезапно нахлынувшей тревоги. Мне вдруг показалось, будто кто-то все это время наблюдал за мной, и я отшатнулась в глубину комнаты, прячась за плот-

ной портьерой.

Отшатнулась — и всей спиной врезалась в жесткое тело Паука.

Сильные руки крепко обхватили мои предплечья и властно развернули меня — так, что я почти уткнулась носом в обнаженную грудь главного дознавателя.

— Не слишком ли холодно, чтобы держать балкон открытым? — В его голосе промелькнуло легкое недовольство, словно бы именно я, а не крики незнакомых лорда и леди подняли его столь рано.

— Мне захотелось подышать свежим воздухом, — ответила я, вырываясь из его рук.

Паук разжал пальцы, позволяя мне отступить. В расстегнутой рубашке с растрепанными после сна волосами, он показался мне каким-то иным, более мягким, словно бы даже домашним. Я опустила глаза, не желая встречаться с ним взглядом.

— Все в порядке?

— Да.

Я ощутила его осторожное энергетическое прикосновение и испуганно замерла.

— Ты нервничаешь, — прищурился Паук. — Беспокоишься.

— Все в порядке, господин главный дознаватель, — упрямо повторила я. — Мне просто... приснился дурной сон.

Воспоминания нахлынули внезапно, вызывая в созна-

нии совсем не те безопасные образы, которые следовало бы иметь в голове в присутствии главного дознавателя. Хорошо, что Паук не был менталистом. Иначе...

Я почувствовала, что неудержимо краснею, и поспешно отвернулась.

— Дурной сон, значит, — произнес главный дознаватель, но всплеска раздражения я не почувствовала. Казалось, он откровенно забавлялся. — Ну, как скажешь, как скажешь.

Удивительно, но моя вчерашняя пылкая речь на крыльце дома отчего-то запомнилась Пауку, и он привел меня завтракать в ту самую пекарню, куда много лет назад зашли мы с сестрой, чтобы взять сдобу для пикника. На свежий воздух вынесли круглый столик, поставили блюдо со сладкими булочками-корнетто, только что вынутыми из печи, и крохотные чашечки с крепким ароматным кофе. Этот маленький глоток свободного воздуха, несколько минут, взятых взаимы у прежней жизни, немного взбодрили меня после ночных кошмаров и утреннего происшествия. Главный дознаватель тоже был на удивление спокоен. Ничего не напоминало о его вечерней вспышке гнева.

Чинторьерро уже ждал нас у причала. Он коротко сооб-

шил Пауку, что к рассвету шторм немного улегся и теперь стало возможным добраться до Бьянкини. Я молча села в лодку, главный дознаватель устроился рядом.

Сегодня холодный ветер разогнал утренний туман, но переменчивая весенняя погода не стала от этого лучше. Я купалась в плащ, подняв воротник как можно выше в попытке защититься от пронизывающего ветра. Гребец хмуро поглядывал на белые гребни волн, изрезавшие Большой канал. Один Паук сидел прямой, точно натянутая струна, и, казалось, не обращал внимания на непогоду.

У Северных ворот было, как всегда, многолюдно. Наш чинторро встроился в вереницу лодочек, ожидавших возможность покинуть город. Кричали чайки, гудела шумная портовая пристань, раздавались магически усиленные голоса смотрящих на башнях. Я каждой клеточкой тела впитывала эту суету последних минут в Веньятте, понимая, что мне не скоро еще выдастся возможность вновь оказаться здесь.

Внезапно чинторьерро замер. Его натренированный слух разобрал что-то в мешанине криков и посторонних звуков. Паук нахмурился, глядя на гребца. Дурное предчувствие сдавило горло болезненным спазмом.

— Господин главный дознаватель, вас спрашивают на берегу, — отрывисто произнес чинторьерро, продолжая вслушиваться в чей-то неразличимый для меня голос. — Говорят, дело срочное.

— Поворачивай, — кивнул Паук.

Мужчина уверенно направил черную лодку к берегу. И действительно, у самой кромки воды вдоль причала беспокойно прохаживался посыльный в форме служащего отдела магического контроля с сумкой через плечо. Он казался взволнованным, пальцы его нервно теребили края сумки. Заметив, что мы приближаемся, он замахал руками, привлекая внимание.

Чинторро мягко коснулся столба, и Паук, не дожидаясь, пока гребец пришвартует лодку, перемахнул на деревянный причал. Законник бросился к нему и затараторил, от волнения проглатывая слова:

— Господин главный дознаватель, произошло новое убийство. Из канала выловили труп, старший дознаватель Лекко утверждает, что это леди Марисса Альмецци. На ней остаточные следы ментальной магии и явные признаки удушения. Господин Лекко ожидает судебного лекаря для проведения вскрытия, а мне было поручено отыскать вас. Я уж было подумал, что придется за вами в центр плыть, но...

Паук оглянулся на меня. Во взгляде его читался немой вопрос.

Не окажется ли леди Марисса очередной жертвой таинственного менталиста?

— У меня лодка неподалеку, и я готов отвезти заключенную в тюрьму, чтобы не задерживать вас, — торопливо добавил законник.

Главный дознаватель мотнул головой:

— Нет. Она отправится с нами.

Когда в отдалении показались знакомые черепичные крыши и белевший на фоне хмурого неба силуэт старой дозорной башни, я уже знала, что мы увидим.

Часть набережной вдоль канала была оцеплена законниками. При виде высокой фигуры главного дознавателя, затянутой в черную форму, они расступились, давая нам беспрепятственно пройти к месту, где была обнаружена убитая женщина.

Над телом, выловленным из воды, склонились трое законников из отдела магического контроля, закрывая большую часть обзора своими спинами. Один из них — скорее всего, старший дознаватель Лекко — поднялся, приветствуя главного дознавателя. Я бросила короткий взгляд в сторону тела и успела разглядеть рваный цветастый подол и бледную лоджку в полупрозрачном чулке.

Такое же платье было на женщине, которую я видела сегодня утром под окнами своей временной спальни.

Возможно, я была последним человеком, кто видел ее живой.

Мне нужно было убедиться, что это действительно та са-

мая леди, но стоило лишь сделать шаг вперед, как передо мной встал Паук. Взгляд его был мрачен.

— Господин главный дознаватель...

— Твоя помощь не требуется, — отрезал он.

Отстранив меня, Паук, сопровождаемый старшим дознавателем, подошел к телу.

— Женщину нашел в канале чинторьерро, — сухо отчитался Лекко. — Мы уже допросили его. Он не знает, откуда принесло тело. На шее убитой обнаружены следы — скорее всего, ее задушили, а после сбросили в канал. Мы ожидаем судебного лекаря для установления времени смерти и уточнения деталей. Кроме этого, определители указывают на ментальный след, причем достаточно яркий. Воздействие было оказано не более нескольких часов назад.

Они зашептались вполголоса, обсуждая детали дела. Слух выхватывал обрывки разговора: «лодка», «течение», «предполагаемое место падения в воду», «нет свидетелей». Я вытягивала шею, стараясь разглядеть хоть что-нибудь за широкими спинами законников, но с того места, где я стояла, было невозможно ничего разобрать.

Медленно и осторожно, стараясь не привлекать внимания, я приблизилась к телу леди Мариссы. Словно почувствовав это, Паук обернулся и недовольно покачал головой, но я не стала останавливаться. Главный дознаватель поджал губы, но не произнес ни слова.

Увидев платье заключенной с предупреждающими на-

шивками и толстые перчатки, законники расступились, давая мне место. Паук тоже обошел тело и замер с противоположной стороны.

Сомнений не осталось. Передо мной была незнакомка, лишь недавно брошенная своим жестоким возлюбленным. Брошенная... и вот теперь выловленная.

Ее едва можно было узнать. Острый конец торонна насквозь пробил кость со стороны правой щеки, выдрав кусок кожи и часть волос и превратив некогда прекрасное лицо в уродливую полумаску из бурой крови, плоти, ила и слипшихся волос. Губы побелели, кожа приобрела гнилостно-серый оттенок. Шляпка потерялась где-то в воде, медальон с артефактом соскользнул вбок, грязь облепила тело. На шее краснела широкая неровная полоса. В первый момент мне показалось, что леди Мариссу задушили ее же собственным медальоном, но след мало напоминал узор от тонкой цепочки.

За спиной зашевелились, заволновались законники из оцепления. Несколько мгновений спустя рядом присел на корточки ирениец, мой сосед по тюремному блоку. Увидев меня, он хитро прищурился и молча указал взглядом в сторону главного дознавателя. Уголки губ лекаря дрогнули в легкой улыбке. Без сомнения, он знал, что я не ночевала в Бьянкини, и мог догадаться, что сюда я прибыла вместе с Пауком.

Поставив на мостовую тяжелую сумку с зельями, ирени-

ец склонился над телом. Тонкие узловатые пальцы порхали, ощупывая краснеющий след, оглаживая запястья убитой женщины, оттопыривая бледные губы, проверяя края рваной раны. Наконец он выпрямился.

— Тело было в воде не больше часа, — сообщил он главному дознавателю. Тот кивнул. — Рана на лице, предположительно от удара багром или острым концом торонна, получена уже после смерти, так что к убийству отношения не имеет. Однако леди не утопили. — Он нахмурился, еще раз проведя пальцем по шее леди Мариссы. — Смерть наступила от удушья. Судя по характеру и толщине следа, была использована какая-то ткань — шарф, галстук, шейный платок. Думаю, это случилось два-три часа назад.

— Полтора, — вырвалось у меня. Главный дознаватель, Лекко и ирениец обернулись ко мне. Лекарь удивленно вскинул бровь. Лицо Паука осталось бесстрастным, но на энергетическом уровне я легко ощутила его нарастающую ярость. И упрямо продолжила: — Полтора часа, может быть, час. Я уверена, два часа назад она еще была жива.

— Откуда ты знаешь? — спросил Паук, глядя мне прямо в глаза.

Вздохнув, я рассказала об утреннем происшествии и странной паре, чья ссора выглядела столь искусственно, что сейчас я нисколько не удивилась найденному на теле следу ментальной энергии.

Главный дознаватель дослушал до конца, не перебивая.

После он подозвал старшего дознавателя Лекко и отдал короткое распоряжение осмотреть набережную и переулки, которые я упомянула. Тот передал приказ подчиненным, и несколько законников спешно покинули место оцепления.

Рядом с телом убитой леди Мариссы остались я, ирениец и Паук.

Мой рассказ заставил лекаря задуматься. Пробормотав себе под нос что-то неразборчивое на иренийском, он потянулся к сумке и извлек один из флаконов с зельем. Тягучая зеленая капля упала на поврежденную кожу убитой, и жидкость зашипела, покрывая рану белой пеной. Мельком оценив результат, ирениец потянулся за скальпелем и, сделав надрез на запястье мертвой женщины, выдавил несколько капель густой крови в крохотную пробирку и приступил к исследованию.

— Дурной сон, да? — ядовито поинтересовался Паук. — Просто дурной сон?

Я пожала плечами. Два часа назад у меня не было причин считать подсмотренную сцену чем-то действительно заслуживающим внимания главного дознавателя, а лишний раз заговаривать с ним после вчерашнего не хотелось.

Раздраженно фыркнув, Паук отвернулся.

— Янитта права, — отложив в сторону пробирки, нарушил молчание ирениец. — Все произошло приблизительно полтора часа назад. Более того, кровь слишком разжижена. Возможно, когда она упала в воду, она все-таки была еще

жива. И, — он обвел взглядом нас с Пауком, — убитая была беременна. Третий или четвертый месяц.

— Внебрачный ребенок? Обманутая любовница? — предположил главный дознаватель и сам же покачал головой. Простой и понятный мотив мало вписывался в составленный нами образ менталиста-убийцы, не первый год орудовавшего в Веньятте.

Ирениец потянулся к шнуровке платья, чтобы продолжить анализ. Неожиданно его пальцы замерли над телом женщины. Он осторожно подцепил мокрые края лифа и оголил высокую грудь с крохотными съезжившимися темными сосками.

Лекарь сдавленно кашлянул, привлекая наше внимание. Я почувствовала, что мужчине было не по себе. Ирениец, видевший за годы работы немало убитых тел — изрубленных, разодранных, изъеденных червями и рыбами, — сейчас казался неподдельно взволнованным.

Изнутри плотный лиф оказался почти полностью пропитан кровью. Паук помог лекарю освободить женщину от верха платья, и нашим взглядам открылись множественные неглубокие порезы, рассекавшие грудь убитой. Порезы, складывавшиеся в четкие, явственно различимые слова.

«Мое сердце бьется для тебя».

— Это... — Ирениец сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь вновь обрести самообладание. — Надпись была сделана по живому.

Я провела затынутыми в перчатку пальцами по тонким буквам, и мокрый алый след, протянувшийся от порезов, словно перечеркнул страшную надпись. Незнакомка — леди Марисса — говорила своему спутнику именно эти слова: «Ты же знаешь: мое сердце бьется лишь для тебя». Мое сердце...

Мысль, чудовищная и безумная, внезапно вспыхнула в голове. Я обернулась к лекарю.

— Мастер, вы говорили, она умерла не более полутора часов назад и была еще жива, когда упала в холодную воду? — спросила я, стараясь сдержать охватившее меня волнение.

— Это так, — подтвердил ирениец. — Но какое...

Он вдруг осекся. Посмотрел на меня, на сцепленные в замок руки в толстых перчатках. Если бы жертва осталась жива, мне хватило бы нескольких секунд, чтобы считать ее последние воспоминания. Но благодаря холодной воде в канале, даже сейчас, через полтора часа после смерти, ее мозг сохранился практически нетронутым. По счастью, даже удар торонном, пробивший щеку, скорее всего, прошел наискось.

Странная надпись на груди убитой больше походила на призыв к действию, нежели на предсмертное послание, и это подстегнуло мой интерес. Если убийца сам оставлял подобную подсказку, нужно было сделать все возможное, чтобы увидеть, что именно он желал показать... мне. Отчего-то я не сомневалась, что неведомый менталист прекрасно знал, с кем имеет дело. Мог предсказать, что рядом с телом леди

Мариссы окажется другой человек с ментальными способностями. Человек, способный к тому же собрать достаточное количество сырой магической энергии, чтобы запустить остановившееся сердце.

Похоже, представление, разыгранное передо мной сегодня утром, оказалось намного серьезнее и сложнее, чем я могла предположить.

Ирениец нахмурился, его пальцы, обхватившие скальпель, побелели. Я чувствовала: он понял, что я хотела сделать. Это было жестоко, трудно и имело не так много шансов на успех, но другого выбора у нас попросту не было.

— Да, — наконец сказал он. — Да, это возможно.

Паук непонимающе перевел взгляд с иренийца на меня. Я мысленно вздохнула, собираясь с силами. Объяснения не обещали быть легкими.

— Господин главный дознаватель, мне нужно ваше разрешение заново запустить сердце убитой.

В желто-карих глазах явственно читалось недоверие.

— Думаешь, что сможешь вернуть ее к жизни? — Паук поморщился, указывая на рваную рану. — Вот так, с дырой в черепе?

— Нет, — я покачала головой, — она в любом случае не выживет. Мне нужно оживить тело буквально на пару секунд, чтобы успеть отследить ментальный след и увидеть ее глазами убийцу.

Я не отводила от Паука спокойного взгляда, ожидая реше-

ния. Главный дознаватель посмотрел на меня со странным интересом.

— Как ты собираешься это сделать?

— Лучше всего подойдет энергетический разряд прямо в сердце, — тут же откликнулся ирениец. Он был собран: губы решительно сжаты, скальпель лежал в руке, словно продолжение пальцев. Лекарь прекрасно понимал, что на счету каждая минута. Еще немного — и эффект от резкого охлаждения пропадет, после чего провести процедуру станет уже невозможно. — Я вскрыю грудную клетку, а Янитта запустит сердечные мышцы. После этого я постараюсь поддерживать в теле жизнь достаточно долго, чтобы можно было считать последние воспоминания убитой леди.

— Хорошо.

Я потянулась к перчаткам, но замерла, не желая лишний раз провоцировать законников. Взгляды мужчин, окружавших нас, пристальные, напряженные, жгли спину. Некоторые смотрели со страхом, другие — с недоверием. На пустынной набережной, далеко от защитных кристаллов Бьянкини, они, казалось, чувствовали себя слишком уязвимыми и боялись даже такой малости, как обнаженные руки менталиста.

— Мне нужно снять перчатки, — тихо произнесла я. — Можете попросить своих людей отойти?

Паук отдал короткую команду, но сам остался рядом со мной и ирениемцем. Отстранив мои руки, уже занесенные для

энергетического удара, он жестом велел мне пересесть ближе к голове жертвы.

— Считывай. Я сам запущу сердце.

Лекарь всю колдовал над телом: вкачал в кровь одно за другим несколько зелий, протер руки женщины и ее грудь с вырезанной надписью пахучим снадобьем, ощупал выпуклые ребра. Надавлив скальпелем на бледную кожу, он сделал глубокий надрез.

Паук коснулся моего плеча.

— Можешь сделать так, чтобы и я это увидел? — вполголоса спросил он. — Может быть, нужно, — он подался чуть ближе, — прикоснуться к тебе? К запястью, к предплечью... к виску?

Я покачала головой, не отрывая взгляда от иренийца:

— Это невозможно.

Паук разочарованно убрал руку.

— После я создам для вас энергетическую проекцию. Но сейчас — нет. Господин главный дознаватель, приготовьтесь.

Лекарь погрузил обе руки в надрез. Мгновение — и Паук сделал то же самое, следуя молчаливому кивку иренийца. Я ощутила, как собирается вокруг него темная энергия, концентрируется на кончиках пальцев для точного направленного удара.

— Сейчас, — коротко бросил лекарь.

Мертвое тело выгнулось дугой.

Губы иренийца безмолвно шевелились, отсчитывая секунды.

— Еще.

Новый разряд невидимой молнии. Воздух вокруг нас затрепал от высвобожденной сырой магии.

— Еще. Еще.

Тук. Тук. В сомкнутых ладонях главного дознавателя слабо затрепыхалось, разгоняя накачанную зельями кровь по венам, сердце леди Мариссы.

Закрыв глаза, я сжала ее виски.

Темная вода канала сомкнулась над ее головой. Последние пузырьки воздуха поднимались вверх, и где-то там, на далекой, едва различимой набережной, покачивался в такт водной ряби размытый силуэт мужчины в черном, смотревшего, казалось, прямо на нее.

Она шла ко дну, и ни один мускул на ее теле не дрогнул, скованный ментальным приказом. Теперь я явственно ощущала его холодную серебристую энергию, связавшую безвольную марионетку с незримым кукловодом. Я потянула на себя тонкую нить, надеясь распутать ее, добраться до конца, но та оборвалась, истаяв в пальцах.

Мир потемнел. Сердце леди Мариссы билось все реже, скованное холодом. Мгновение-другое, и смерть окончательно завладеет ею.

Раньше.

Собрав силы, я двинулась глубже, ныряя в черный омут меркнувшего разума. Память леди Мариссы, доживавшей украденные у смерти секунды, разрушалась, и даже самые последние воспоминания мелькали передо мной смутными нечеткими образами с пятнами темноты. Я перебирала их словно нити магического плетения, отсеивая лишнее, ненужное сейчас — детские воспоминания, улыбка, чей-то ласковый взгляд, обжигающие поцелуи, жилистое тело, нависшее сверху, сладострастные стоны. Наконец мое внимание привлекло яркое изумрудное свечение, и я потянулась к нему почти интуитивно и ухватилась, разворачивая в полноценную картину.

— Мое сердце бьется лишь для тебя, — вспыхнул в сознании ломкий, прерывающийся женский голос. — Ты та искра, что делает меня живой.

Она забилась, захлебнулась горестным криком. Мужчина стоял перед ней, недвижимый, но все, что она видела сквозь застывшие глаза слезы, — это изумрудное пятно шелкового шейного платка на фоне темного расшитого камзола и гладковыбритый подбородок с тонкой полоской белого шрама. Леди Марисса не поднимала взгляда, как будто боялась увидеть в глазах своего спутника холодное равнодушие.

Равнодушие будущего убийцы.

Я старалась считать как можно больше, запомнить каждую деталь. Массивные перстни на пальцах левой руки — указательном, среднем, мизинце. Короткие ножны, чуть топорщившие край камзола. Вышивка по бортам, темные пуговицы — они могли бы оказаться гербовыми, но слезы мешали разглядеть точнее.

Не говоря ни слова, мужчина прошел мимо. Я ощутила его прикосновение к предплечью женщины, но передачи ментального приказа не произошло.

Ее воля была уже подчинена чьему-то приказу с самого начала разговора.

Стоя коленями на холодной брусчатке, она вслушивалась в удаляющийся перестук его каблуков. Когда последние звуки растворились в утренней тишине, леди Марисса тяжело поднялась и, пошатываясь, побрела в сторону канала. В душе ее была пустота — ни боли, ни страха, ни сопротивления.

Когда изумрудный шелк, на мгновение мелькнув перед глазами, охватил ее шею, она даже не поняла, что произошло. А затем...

Я моргнула, возвращаясь в реальность. Паук вытирал

окровавленные руки взятым у иренийца платком. Лекарь стягивал темными нитками края разреза. Сердце леди Мариссы больше не билось. Она была мертва — на этот раз окончательно.

Главный дознаватель поднял на меня тяжелый взгляд.

— Удалось? — негромко спросил он.

Не трата времени даром, я воссоздала энергетическую реплику прямо здесь, над телом леди Мариссы. Паук внимательно изучил перстни с накопительными кристаллами, крой камзола и шейный платок безликой фигуры, замершей в воздухе.

— Уроженец Ромилии, из высших лордов, — высказал он вслух то, что я и так уже поняла, побывав в воспоминаниях леди Мариссы. — Меньяри.

Меньяри. Короткое, резкое и болезненное, словно удар под дых, слово. Первая семья земель Ромилии. Семья, частью которой я должна была стать восемь лет назад.

Позади меня ахнул старший дознаватель Легко. Дело становилось слишком серьезным, слишком опасным. Выдвинуть обвинения, да еще и основанные на единственной энергетической реплике, кому-то из членов первых семей было... немыслимо.

— Бумагу, — коротко распорядился Паук.

Один из законников поспешно зашарил в сумке и, не подходя к нам ближе расстояния вытянутой руки, протянул главному дознавателю чистый лист. Паук выжег энергетиче-

ский оттиск призрачной фигуры и расписался поданным пером.

— На обратной стороне нужны подписи каждого из присутствующих. Обстоятельства дела не подлежат разглашению.

Лист пошел по рукам. Писали охотно: никому не хотелось брать на себя лишний риск и торопиться с оглаской. Последними были ирениец и я. Лекарь равнодушно оставил витиеватый росчерк. Натянув перчатки, я приняла перо из его рук и вдруг замерла под взглядом Паука.

— Тебе не обязательно, — сказал он.

Пожав плечами, я все же поставила подпись. Запястье с браслетом, отвечавшим за соблюдение магических клятв, на мгновение пронзило острой болью. Приказ главного дознавателя был получен и теперь обязателен для исполнения.

Я поднялась, расправляя юбку. От долгого сидения на корточках ноги затекли, мышцы неприятно покалывало. Главный дознаватель встал следом за мной.

— Когда закончите с телом и запишете показания лекаря, доставьте их мне, — обратился Паук к почтительно замершему рядом с нами Легко. Старший дознаватель коротко кивнул. — Уведомите лорда Альмецци о случившемся с его дочерью. После окончания полного медицинского освидетельствования он сможет забрать тело в главном здании отдела магического контроля Веньятты. И найдите мне чинторро. Заключение Астерио и я возвращаемся в Бьянкини.

ГЛАВА 8

Заклученная Астерио. Как бы я ни старалась забыть об этом, погружившись в привычную работу в исследовательском центре Бьянкини, странное обращение Паука не выходило у меня из головы. Последние восемь лет никто ни разу не называл меня так — закон лишил меня имени, рода, прав... почти всего человеческого. Преступница с опасными ментальными способностями не могла принадлежать к первой семье земель Веньятты. Хотя нет, скорее, это род Астерио никогда не запятнал бы себя связью с осужденной убийцей.

Я вздохнула, плотнее кутаясь в плащ. Сегодня — кажется, впервые с тех пор, как главный дознаватель приказал выводить заключенных на обязательную прогулку, — погода действительно располагала к тому, чтобы провести час на свежем воздухе. Шторм, бушевавший больше суток, утих, и теперь вода залива, гладкая как зеркало, искрилась тысячами солнечных бликов. Бьянкини, прекрасно различимый с высоты, сиял умытыми после недавнего дождя набережными. Немногочисленные скверы, парки на окраинах города и высокие деревья за каменными оградами дворцов были подернуты ярко-зеленой дымкой молодой листвы. На север Иллирии медленно приходила весна.

Высунувшись в узкую бойницу башни, я с наслаждени-

ем вдохнула свежий морской воздух, пахнувший солью и водорослями. Ветер трепал выбившиеся из прически светлые пряди. Но, вопреки неожиданно хорошей погоде, на душе было беспокойно.

Далекая Веньятта и все окрестные городки, раскинувшиеся по заливу на многочисленных островках, соединенных мостами и лодочными переправами, сутились и гудели, готовясь к первому весеннему празднику, открывавшему знаменитый на всю Иллирию месяц карнавалов. По набережным и улицам Бьянкини пробегали крохотные фигурки, одетые, казалось, еще более ярко, чем обычно. Возводили первые пестрые шатры будущей ярмарки, которая через пару дней расплещется разноцветными волнами по всем площадям и островам залива.

И никому не было дела до странных убийств.

Горе в Веньятте всегда принято было прятать под улыбающейся маской. Когда я вспоминала свою прежнюю жизнь, жизнь наследницы рода Астерио, я могла понять Паука, так резко и нелестно отозвавшегося о знатных лордах Веньятты. Неискренность, фальшь, притворство. В роли леди Астерио я должна была быть именно такой.

Меня учили этому с раннего детства. На любом балу и светском приеме наследница рода Астерио должна была затмевать первых красавиц. Держать лицо в любой ситуации, вести разговор на любую тему от погоды до политики. Пить вино, не пьянея. Улыбаться тому, кого предстояло предать

уже в конце вечера. И я, дочь главы древнего рода и будущая первая леди Ромилии, позволяла отцу и наставникам лепить из меня красивую куклу, расчетливую, холодную и бездушную.

Я расточала улыбки, кружилась в заученных танцах, поддерживала ничего не значащие беседы — и думала только о том, когда наконец за закрытыми дверями своей комнаты, в компании Дари, я смогу хотя бы ненадолго скинуть маску наследницы Астерио. Стать не леди Яниттой, а просто Яни, которая шепотом поверяла сестре свои мечты и сердечные тайны, выслушивала детские радости и горести маленькой Дари и засыпала, прижимая к себе ее кудрявую головку.

Почти перегнувшись через край бойницы, я устремила взгляд вдаль, к неразличимой окраине Веньятты, туда, где, как я знала, возвышалась над черепичными крышами заброшенная сторожевая башня. Мне показалось, что я разглядела вдалеке в бело-голубом мареве светлую точку, и сердце отчего-то дрогнуло. Воспоминания о том кратком вечере, который я провела в доме главного дознавателя, о нежном запахе едва распустившихся роз, о завтраке в знакомой с детства пекарне захлестнули меня, на несколько кратких мгновений отогнав тревогу и вызвав невольную улыбку.

Мне всегда хотелось именно этого. Простой, спокойной жизни, какая могла бы быть у меня, не родись я леди Астерио. Домик в тихом квартале, маленькая семейная лавочка артефактов, скромный быт...

Я не рассказывала об этих тайных мечтах никому, кроме Дарианны — от нее у меня практически не было секретов. В детстве мы были очень близки: всегда и везде вместе, неразлучные, точно два близнеца. А уж после, когда меня начали выводить в свет, а ей еще приходилось проводить большую часть балов и приемов за детским столом или в малой гостиной, сестра и вовсе не отходила от меня, без конца расспрашивая о гостях, танцах, угощениях, с восхищением разглядывая мои взрослые, украшенные кристаллами платья. Ее интересовало все: от фасона полумаски у леди Ареццо до того, кому оказывал благосклонность отец, готовясь к заключению очередного политического союза. Я удовлетворяла ее любопытство, подавляя в душе смутное сожаление, что не Дари, настолько замороженная ярким блеском высшего общества, родилась старшей Астерио.

«Что же, — горько подумалось мне, — желание сбылось. Я больше не наследница рода. Я безымянная заключенная номер семь, и все, что мне теперь позволено, — маленький глоток свободы под надзором главного дознавателя».

Лекарь-ирениец, непривычно угрюмый и молчаливый, подошел ко мне и встал рядом. Его взгляд, полный невысказанной тоски, устремился сквозь узкое окошко к морю, призывно блестящему под ярким полуденным солнцем. Желая понять, что же привело его в такое состояние, я осторожно потянулась к его разуму. Образы, яркие, как восточные пряности, считывались свободно и легко: тоска по родине,

воспоминания о далекой Ирени и оставшихся там родных, темно-синие глубины морей, скрип мачт и пьянящее упоение, когда корабль несет по волнам попутный ветер.

Лекарь тихо вздохнул и вдруг полуобернулся ко мне, хитро сверкнув черными глазами, словно бы почувствовав мое непрошеное вторжение. Я поспешно опустила взгляд. За то, что я, поддавшись искушению, позволила себе подглядывать чужие воспоминания, было немного стыдно.

Ирениец усмехнулся — беззлобно, без тени фальши — прощая эту маленькую слабость, и я благодарно улыбнулась в ответ. Здесь, в мрачных стенах крепости Бьянкини, рядом с осужденными преступникам и их стражами, мне, как ни странно, было легче. Не надо было скрываться, прятать способности под лживой маской мнимого совершенства, а те немногие, кто относился ко мне тепло, принимали меня настоящей.

Менталисткой.

— Задумалась, дочка? — раздался за спиной добродушный голос Бьерри. — Пора.

Крытая галерея, соединявшая здание тюрьмы с исследовательским центром, оказалась почти пуста, и мы с Бьерри пошли рядом, не опасаясь, что это будет замечено и сочтено грубым нарушением правил.

Старый законник казался сегодня особенно оживленным. В отличие от меня, он очень любил месяц карнавалов, в особенности сейчас, когда маленькая Ливви немного подросла

и можно было сходить с девочкой на выступления бродячих артистов, угостить ее заморскими лакомствами и показать ей праздничный фейерверк, заметный с любого острова залива.

Бьерри остановился у самого ограждения и кивком пригласил меня приблизиться.

— Смотри, дочка, — он указал на видневшийся с галереи берег Бьянкини, — в такой ясный день отсюда можно увидеть мой дом. Вон тот, синий, рядом с городским садом и ратушей.

Я послушно проследила за его взглядом и, кажется, действительно сумела разглядеть аккуратный домик среди зеленеющих макушек деревьев и разноцветных строений, жмущихся друг к другу вдоль набережной.

— Мы с Ливви сделали флюгер в виде парусного корабля, и недавно я поставил его на крыше. А зять мой обещал свозить всю семью в Веньятту на главную ярмарку. Видела бы ты глаза нашей девочки, когда папа сообщил ей об этом.

От улыбки Бьерри на душе стало теплее. Его присутствие всегда невероятным образом успокаивало. Правильный, честный, бесхитростный, Бьерри был удивительно светлым человеком. В молодости он отслужил в армии и сполна хлебнул горя, но умудрился при этом сохранить сердце открытым и любящим. Оставив службу, Бьерри нашел тихую гавань здесь, в Бьянкини, с женой и детьми, и за годы спокойной жизни их дружная семья разрослась, не так давно пополнившись маленькой Ливви.

И страшно было от одной только мысли, что где-то там, под покровом обманчивого веселья, под маской добропорядочного человека плетет свою зловещую паутину менталист-убийца, чьи козни могли стоить жизни дорогим мне людям.

Напряжение, тяжелое и густое, точно сироп, не отпускало меня с того самого момента, как весенняя предкарнавальная суeta захлестнула Веньятту и городки залива. Если днем мне еще хоть как-то удавалось ненадолго забыть о приближении празднеств, то ночью, когда все звуки вокруг затихали, я оставалась наедине с дурными мыслями.

Свернувшись под подаренным главным дознавателем пледом, я отрешенно наблюдала, как тонкий белесый луч луны, пробившийся сквозь зарешеченное окошко, медленно полз по полу к дальней стене коридора. Кружившиеся в воздухе пылинки выписывали в полоске света замысловатый танец, и чудилось, будто яркие точки складывались передо мной в странные призрачные образы, превращаясь то в буквы на груди леди Мариссы, то в острый кинжал, зажатый в руке Спиро Дьячелли, то в главного дознавателя в расстегнутой рубашке с покачивающимся на тонкой цепочке янтарным

медальоном.

После того как Паук привез меня из Веньятты несколько дней назад, он снова вернулся в город и больше уже не появлялся. О ходе расследования Бьерри, не посвященному в детали убийства леди Мариссы, было ничего не известно, а выяснить подробности дела как-то иначе не представлялось возможным. Оставалось только гадать, искал ли главный дознаватель зацепки на таинственного убийцу, принадлежавшего к роду Меньяри, или же был занят чем-то другим, более для него важным.

Сейчас я с удовольствием делала бы что угодно — безропотно создавала бы для Паука энергетические реплики, разбирала пыльные архивы или возвращала к жизни мертвые тела, — лишь бы отрешиться от неотвратимо надвигавшегося карнавала, воскрешавшего в памяти слишком много болезненных воспоминаний. Балы во дворце отца, где я вынуждена была блистать. Злобу и зависть, скрытые за пестрыми масками, которые я не могла не чувствовать. Ментальную магию и тот момент, когда она впервые по-настоящему пробудилась.

Это случилось такой же весной на бале-маскараде, одном из множества торжеств, ежегодно устраиваемых лордом Астерио для знатных семей города и гостей Веньятты. Как старшая дочь и наследница рода я была обязана присутствовать, открывая бал рука об руку с женихом Аурелио, наследником рода Меньяри. Мы сделали положенный круг танца,

немного поговорили, обменявшись последними новостями, и разошлись. Его ожидал мой отец, чтобы обсудить детали брачного контракта, меня — несколько заранее отобранных кавалеров, которым наследница рода Астерио была обязана уделить внимание. Кружась в танце с новым партнером, я поймала жадный взгляд Дари с верхней галереи и тепло улыбнулась ей.

Я помнила, отчетливо и ясно, что дело было в ленте. Кремовой атласной ленте, что, начинаясь от задника туфли, несколько раз обвивала ногу. Бант был затянут неплотно, и с каждым танцем я чувствовала, как она медленно скользит по тонкому чулку, собираясь на щиколотке. Я внутренне содрогалась, предчувствуя, что еще немного — и узел окончательно развяжется, лента, ничем не сдерживаемая, ляжет на паркет атласной змейкой, и в быстром танце я в лучшем случае непременно потеряю туфлю. Или и вовсе позорно поскользнусь, потеряв равновесие под пристальными взглядами сотен пар глаз. И отца.

Это было недопустимо.

Раскланявшись с сыном лорда Манорро, я выскользнула из шумного бального зала и прошмыгнула в первую же открытую дверь — малую зеленую гостиную, которую лорд Бальдасарре Астерио использовал для переговоров с партнерами во время торжеств в замке. На мое счастье, внутри никого не оказалось. Притворив за собой дверь, я приподняла подол и, наклонившись, принялась заново перевязывать

непослушную ленту.

Он выступил из тени сумеречного проема почти бесшумно. Я успела увидеть дорогие сапоги, темные брюки и длинные полы сюртука — он подошел так близко, что я почти коснулась его уложенными в причудливую прическу волосами. Я попыталась поспешно подняться, но чужая ладонь больно и возмутительно вольно надавила на мою макушку, не позволяя выпрямиться.

— Ну, ну, малышка, — произнес негромкий насмешливый голос, — такой ты мне нравишься больше.

Я замерла. Все тело застыло, меня как будто сковали невидимые путы. Смесь собственного страха и подчиняющей волю чужой энергии, исходившей от незнакомца, совершенно лишила меня сил. Я была полностью в его власти и могла лишь беспомощно всматриваться в начищенные до блеска черные сапоги и узкие брюки с идеальной стрелкой и вслушиваться в пугающий до дрожи голос.

— Вот так, моя послушная малышка, — сказал он, пригибая мою голову еще ниже. — Покажи мне, какой горячей ты можешь быть. Ты ведь можешь, малышка, правда? Ты ведь хочешь...

Его глумливые намеки — хотя нет, уверенность в собственной безнаказанности, звучащая в его голосе, ясно дала понять, что он был готов перейти от слов к делу — вызвали неудержимый протест. Не так, не сейчас, не с ним. Волна яростной силы, моей силы, поднялась внутри, растопив

невидимые пути, и я рванулась наверх, отталкивая удерживавшую меня руку и одновременно призывая магию. Искрящийся энергетический шар вспыхнул на ладони, заключив меня в болезненно яркий круг света и погрузив комнату и полужнакомого мужчину в полумрак.

Я занесла руку, готовая позволить разрушительной энергии сорваться с пальцев. Незнакомец отступил лишь на шаг, лишь на мгновение, словно признавая за мной победу в незримом поединке. И я замерла, не решаясь нанести удар.

— Так, так, так... Какой протест, какая сила, — раздался негромкий смех. — Упрямая, непослушная малышка. Ты только одного не учла, — в одно движение мужчина вновь оказался рядом, опустив ладонь на мое обнаженное плечо, — убивать людей ужасно сложно.

Промедление стоило мне всего преимущества. В руке нападавшего блеснуло лезвие, кончик остро заточенного стилета уперся в горло.

— Мы же не будем шуметь, верно?

Энергетический шар над моей раскрытой ладонью медленно уменьшался, теряя силу. Я чуть повернула голову, разглядывая прижавшегося ко мне незнакомца.

Теперь я отлично видела его лицо. Темные миндалевидные глаза с насмешливым прищуром смотрели прямо на меня сквозь прорези непроницаемо-черной маски, украшенной россыпью зеленоватых кристаллов и вычурным темным пером. Полноватые губы изгибала леденящая кровь жесто-

кая улыбка. Длинные, чуть ниже плеч, волосы были по последней моде перехвачены лентой на затылке. Темный костюм разительно отличался от привычного кроя венъяттских одежд, выдавая в его обладателе одного из гостей отца. И энергия, знакомая серебристо-зеленая энергия рода Менъяри, искрилась вокруг него едва видимым щитом.

Витторио. Младший брат Аурелио. Второй сын лорда Ренци Менъяри.

Мелькнувшее в моих глазах узнавание вызвало у него короткую усмешку. Кончиками пальцев он погладил мое плечо, осторожно, почти нежно. Обошел, вставая за спиной, скользнул горячей рукой вдоль крошечных крючков-застежек на серебристом платье. Прикосновения отравляли. Витторио вползал под кожу, словно ядовитый туман, пытаюсь вновь подчинить меня себе и своей воле, и я вцепилась в ускользающий контроль со всей отчаянной яростью, на которую была способна.

— Ш-ш-ш, малышка, — раздался над ухом шепот. — Ты же не хочешь, чтобы я пустил это в ход? — Клинок просвистел в воздухе в опасной близости от моего лица, заставив инстинктивно отшатнуться. Витторио тихо рассмеялся. — Право же, будет жаль испортить такую чудесную мордашку. Поверь, детка, я хорошо умею обращаться с этой штукой. Равно как и со многими другими. Ты не разочаруешься.

Его рука скользнула по моему бедру. Я стояла, до боли стиснув зубы, собирая силы для еще одного броска. Заста-

вить Меньяри отступить, закричать — все было так просто...

И невозможно.

Острые царапнуло шею. Я почувствовала, как на месте укола набухает тяжелая алая капля и медленно стекает вниз, пропитывая кружева лифа.

— Без глупостей, — предупредил Витторио. — Расслабься, Яни. Я буду хорошим...

Приглушенная тяжелой дверью мелодия очередного танца, исполняемая в бальном зале, едва пробивалась сквозь громкий стук сердца в ушах. За стеной малой гостиной шумели и веселились гости праздничного маскарада, смеялись люди, сновали слуги, разносившие закуски и напитки. Всего несколько метров отделяли меня от тех, кто мог бы прийти на помощь. Достаточно было только подать голос. Привлечь внимание.

Но я снова не смогла закричать.

Рука коснулась груди, оттянула вниз кружева лифа. Пальцы болезненно сжали сосок, ущипнули. Меня передернуло от отвращения.

За спиной послышался едкий смешок.

— Какая жалость. А мне так не хотелось верить тому, что говорили про тебя... Холодная. Бесчувственная. Ледяная малышка Астерио. Интересно, как далеко придется зайти, чтобы пробудить в тебе чувства? Что ж, попробую...

Отбросив клинок, Витторио обхватил руками мою шею, сдавив горло так, что я не могла сделать ни вдоха. Перед гла-

зами заплясали черные точки, мир помутился. В голове билась одна-единственная отчаянная мысль — надо вырваться. Освободиться. Отбросить его. Сделать так, чтобы он больше никогда уже не смог никому навредить, чтобы никогда больше не подкрадывался так к девушкам в темных гостиных, принуждая к немыслимому...

И в этот момент мои пальцы сомкнулись на его запястье. Обнаженном запястье. Витторио Меньяри не надел перчаток. Нелепая ошибка.

Слепящая, обжигающая ярость, сметающая все барьеры и преграды, поднялась горячей волной внутри меня и, яркая, словно солнце, затопила все вокруг...

Меня почти подбросило на кровати. Черный камзол, длинные волосы, стилет, шейный платок, род Меньяри — множество мелких деталей слилось воедино, и осознание накрыло меня леденящим душу ужасом.

Но вот только... это было невозможно. Мертвецу не под силу восемь лет совершать ужасные преступления. А Витторио Меньяри был мертв, он умер тогда в той полутемной гостиной, и я видела упавшее тело, видела кровь, я вся была в его крови, когда меня уводили под руки законники в темных форменных кителях...

Ноги сами принесли меня к решетке камеры. Путаясь в длинном подоле серой ночной сорочки, я рухнула у двери, и рот раскрылся в пронзительном немом крике.

«Господин главный дознаватель! Лорд Эркьяни! Пожа-

луйста... пожалуйста, позовите...»

Горло свело от отчаянной мольбы, уже готовой вырваться наружу.

Мне показалось, будто я ощутила на самой грани восприятия всплеск черного беспокойства. Но я точно знала, что Паука сейчас не было в Бьянкини. Знала глубинно, каждой клеточкой своего существа, потому что энергетическая совместимость позволяла ощущать его близость с необыкновенной остротой.

И я не произнесла ни слова — подавила отчаянный крик внутри, как и тогда. Какой смысл беспокоить главного дознавателя рассказами о призраках? Лорд Витторио Меньяри умер, его больше не существует.

Я убила его. Меня осудили за его убийство. Дело закрыто и похоронено среди других пыльных папок в городском архиве Веньятты.

С трудом поднявшись на ноги, я заставила себя вернуться в кровать и накрылась пледом почти с головой. Меня трясло. Воспоминания, все еще слишком четкие, слишком реальные, говорили о том, что ничего так и не прошло, не забылось. Они терзали меня восемь лет и продолжали терзать даже сейчас, не теряя своей силы.

Лунный луч перебрался на стену коридора, медленно выцветая, теряя холодные краски. Небо серело, приближался рассвет.

Я точно знала: в эту ночь мне больше не уснуть.

ГЛАВА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.